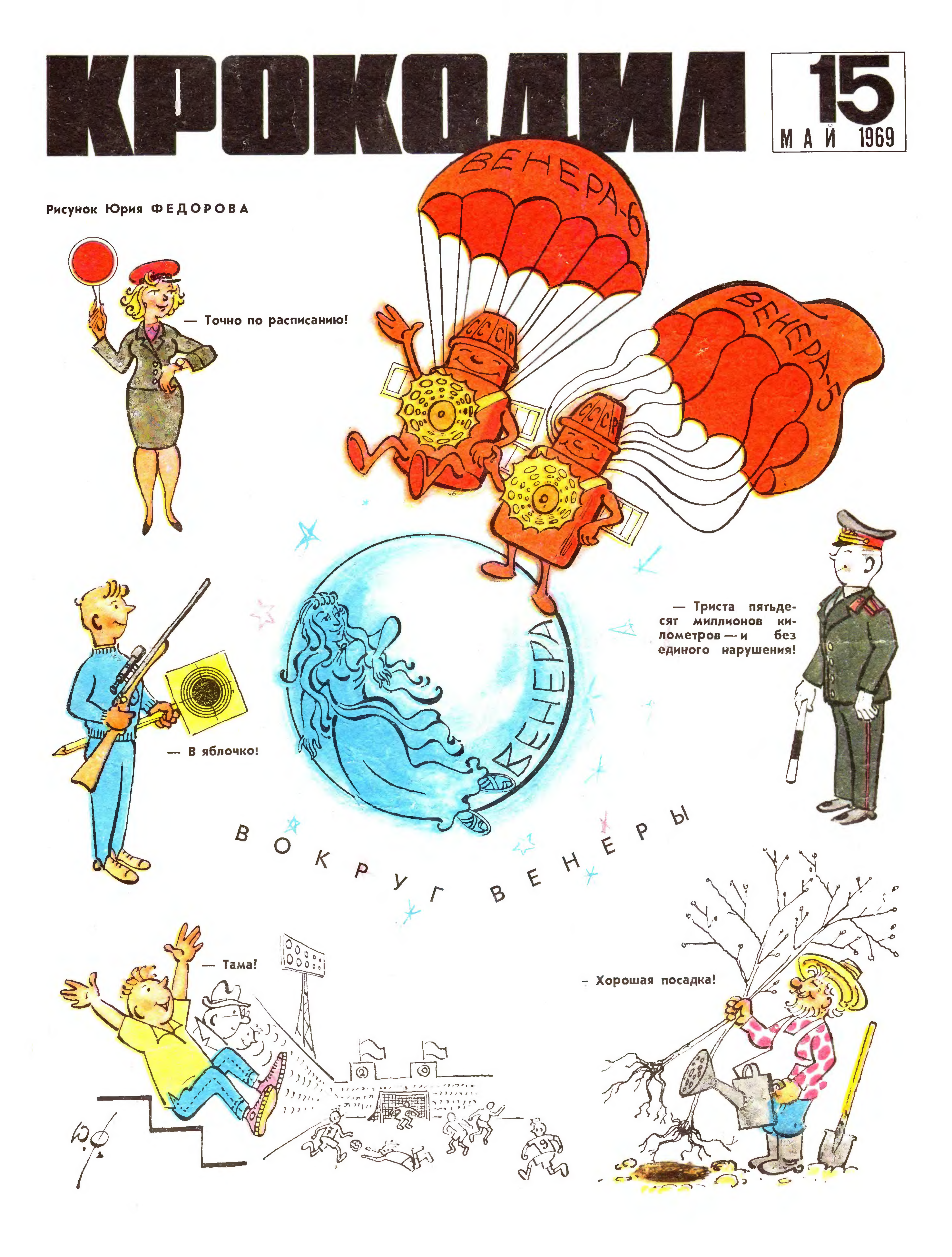
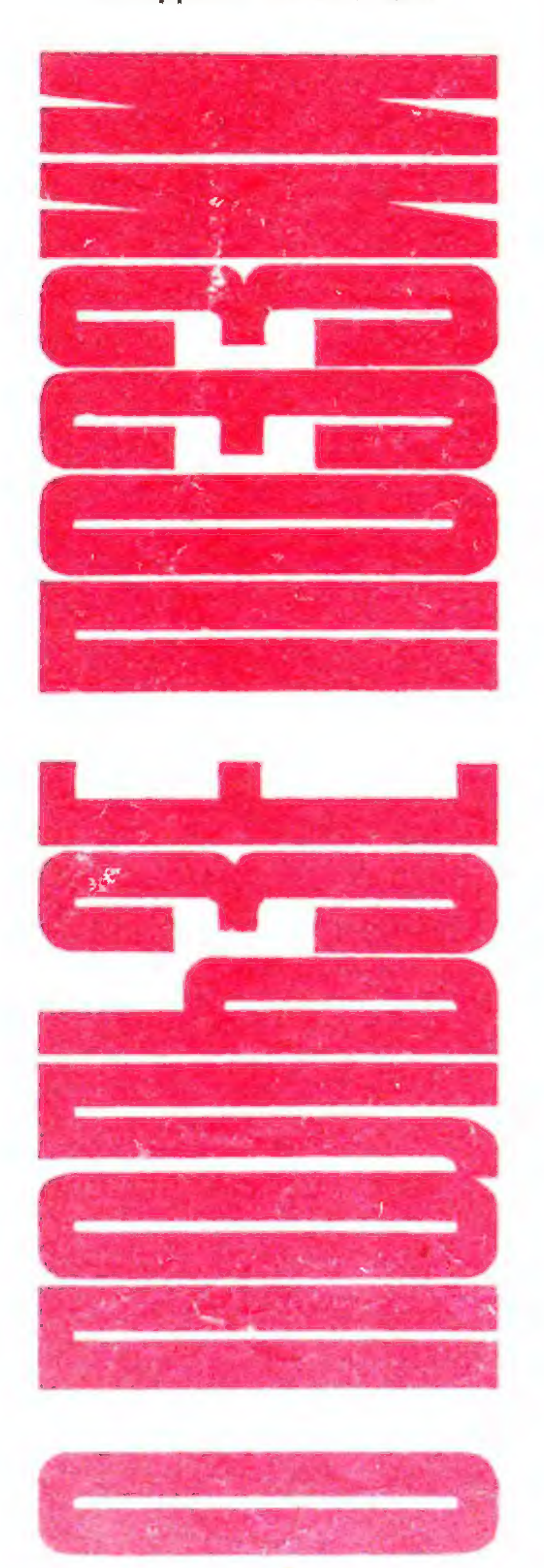

КРОКОДИЛ
15
МАЙ 1969
Рисунок Юрия ФЕДОРОВА
ВЕНЕРА-6
ВЕНЕРА-5
СССР
СССР
— Точно по расписанию!
ВЕНЕРА
— Триста пятьдесят миллионов километров — и без единого нарушения!
— В яблочко!
ВОКРУГ ВЕНЕРЫ
— Тама!
— Хорошая посадка!
Ю.Ф.

Владлен БАХНОВ

Весна или осень,
Зима или лето —
Потоки запросов,
Потоки ответов
Текли и впадали в бумажные реки,
Которые не высыхали вовеки.
Текли отношения и предписания,
Едва умещаясь подчас в берегах...
И вдруг в министерство пришло указание:
Вести переписку отныне
в стихах!
Да, раз навсегда отказавшись от прозы,
Запросы
лишь только в стихах создавать
И на стихотворные эти запросы
Немедля
стихами
ответы давать!
Ах, так высоко не ценились поэты
Ни разу в истории нашей планеты!
Ведь каждой конторе — а счету им нет! —
Теперь полагался по штату поэт.
Но для сочиненья запросов, ответов,
А также иных стихотворных бумаг
Талантливых
недоставало поэтов,
Бездарных —
и то не хватало никак!
Приходит запрос на завод. А в запросе
Заказчик в стихах элегических просит:
«Ах, сдайте скорее нам тот агрегат,
Что мы заказали
три года назад!»
Директор завода
две ночи упорно
Писал в форме басни ответ стихотворный —
Не вышло...
Потом в литкружке заводском
Был конкурс на лучшую басню.
Потом
Директор, уставший над баснями мучиться,
Стал делать заказ...
Так скорее получится!
Семь дней составляло одно управление
В свой главк отношение-стихотворение,
В котором просило скорее, всерьез
Решить о лимитах и фондах вопрос.
Весь главк третий день сочиняет ответ,
Пытаясь ответ этот
втиснуть в сонет.
Но с фондами вышла, увы, закавыка:
Нет рифмы-то к фондам.
А ну, назови-ка!
Весь главк пятый день составляет ответ,
А фонды никак не рифмуются, нет!
Один плановик
(Есть и в главке таланты!)
Блеснул новой рифмою:
«Фонды» и «гланды».
Но сразу начальство сказало впрямую,
Что так лишь Рождественский Роберт рифмует.
И снова весь главк сочиняет ответ,
А фонды никак не рифмуются, нет!
И тут осенило начальника:
— Братцы,
Ведь можно во всем без стихов разобраться!
Вести переписку нельзя больше прозой,
Но можно зато ведь — была не была! —
И без переписки
решать нам вопросы
И без писанины
вести все дела!
Вот так со стихами намаявшись крепко,
Повсюду бумаги писать стали редко,
Решая без писем вопросы любые.
Стихи нас спасли от бумажной стихии,
И некогда бурный бумажный поток
Иссяк,
ручейком еле видным потек!
Но, впрочем, конечно, я выдумал это:
Бумажные реки впадают в моря,
Писать можно прозой запросы, ответы...
А зря!

— У вас свой воскресник, а у нас свой...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Ну, допустим, что пуговицы у нас есть, а где взять нитку с иголкой?

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Наказание во спасение

Владимир НАДЕИН

Можете дать мне выговор, но позвольте высказать одно неправильное мнение. Или даже не мнение, а предложение.

Но прежде чем сформулировать его в окончательном виде, я должен для связности привести три факта. Три скромных жизненных факта, которые в целях экономии журнальной площади будут сжаты до протокольного минимума и поданы к читательскому столу без эмоционального гарнира.

Факт первый. В субботу, 29 марта, к перрону Павелецкого вокзала был подан поезд № 91 Москва — Камышин. Хотя нумерация вагонов начиналась с головы поезда, вагон № 1 как в голове, так и в хвосте отсутствовал. Кстати, обнаружить его в середине также не удалось. Поскольку все билеты на поезд были заранее проданы, на перроне образовалась группа по-дорожному экипированных граждан, терзаемых одним и тем же вопросом: куда сесть? Начальник поезда тактично уклонился от личного общения с пассажирами, наглухо забаррикадировавшись в купе вагона № 7. Начальник вокзала отсутствовал. Дежурный по вокзалу, конечно же, «куда-то недавно вышел». Единственный наличествовавший представитель администрации — работница справочного бюро — сделала круглые глаза и сказала: «Не может быть!..»

Тем временем поезд нервно залязгал буферами, и запыхавшиеся искатели железнодорожной истины хаотическими колоннами двинулись на штурм вагона № 2. Эта единица подвижного состава была особенно удобна для яростного абордажа полным отсутствием всякого освещения. В чернильной тьме какой-то старушке с ходу вывихнули ногу, но ее вопль совершенно не было слышно, поскольку рядом во всю мощь непрокуренных легких орали трое спрессованных чемоданами дошкольников. Лопнуло и с небесным звоном рассыпалось оконное стекло...

Поезд, будто убоявшись разгневанных пассажиров, сделал попытку улизнуть из столицы. Но пассажиры, не дотащившие в вагоны свои семейные комплекты, решительно осадили его стоп-краном. Когда же колеса наконец застучали на стыках, лишь один пассажир нежился в комфорте, поскольку еще в первые минуты посадки сразу же предусмотрительно расположился с чемоданами в туалете. Половина странников, понятно, всю ночь провела на ногах.

А неудачники, так и не сумевшие протиснуться в поезд № 91, до утра отбивали поползновения вокзальных кассиров взыскать штраф за опоздание на поезд.

Факт второй. Колхозник Новичков из станицы Новолокинской, Краснодарского края, приобрел телевизор «Аэлита». Как вы догадываетесь, телевизор испортился. После многих мытарств, столь банальных, что нет надобности их описывать, он получил разрешение привезти свой ослепший аппарат в Тихорецкое ателье.

Семьдесят километров оберегал Новичков свою нежную электронику от ухабов и колдобин. А на семьдесят первом километре ему сказали:

— Кати домой, крестьянин. У нас переучет.

— Помилуйте, ведь я за тридевять земель приперся! Вы ведь сами сказали: привози.

— Сами сказали, сами и отказали.

Факт третий. В Петриковский райпотребсоюз, Гомельской области, из Калинковичского мясокомбината завезли 2 073 килограмма колбасы. 1 724 килограмма было вскоре продано, а 349 килограммов залежались в неохлаждаемых закромах, приобретя скользкую консистенцию и непередаваемый антисанитарный аромат.

Продавать эту колбасу врачи категорически запретили.

Но, презрев запрет, руководство Петриковского райпотребсоюза спустило директиву: колбасу реализовать по обычной цене в виде обязательной закуски к водке.

На пол-литра «Московской» 250 граммов духовитого мясопродукта — такова была директивная пропорция.

Ничего хорошего, конечно, не произошло, ибо от алкоголя никто не отвернулся. Желудочно-кишечных ужасов тоже не наблюдалось, поскольку продавцы осмотрительно предупреждали: «Колбаса — только для собак».

И счастливые петриковские псы умяли 349 килограммов непредусмотренного харча.

Итак, три факта, три разных, казалось бы, ничем не похожих происшествия.

Что же их объединяет?

— Да, безобразие,— сказали нам в Министерстве путей сообщения.— Но мы уже приняли меры. Виновным объявлены выговоры.

— Да, безобразие,— согласились в Тихорецком райисполкоме.— Но виновным объявлены выговоры.

— Да, безобразие,— признали в Гомельском облпотребсоюзе.— Но виновным объявлены выговоры.

Казалось бы, все в порядке. Стрелой сурового приказа порок намертво пригвожден к доске позора.

Но прежде чем воздеть руки в порыве гражданского удовлетворения, зададимся наивным вопросом: что есть выговор?

Один публицист образно воспел заслуженного строителя: «Он нес по палаткам свои выговора, свои ордена и свои инфаркты».

Ордена и инфаркты — это понятно. Но почему выговора?

А потому, что всякий человек не безгрешен в том смысле, что работающему свойственны ошибки. Человек хотел как лучше — получилось хуже. В результате появляется выговорная строчка: впредь будь внимательнее, бди!

Ну, а железнодорожники с Павелецкого или петриковские кооператоры? Разве они хотели как лучше? Да нет же, нет! Они ведь в своем уме и преотлично понимают, что без вагона далеко не уедешь, что тухлой колбасой сыт не будешь, что нагло врать клиентам нельзя.

Тогда в чем же дело?

А в том, что означенным руководителям на наши клиентские эмоции, скажем прямо, плевать. Потому что им заранее известен оптимальный исход — выговор. Звучит это вроде бы грозно, но страшит, увы, немногих.

Не замечали ли вы, уважаемые читатели, как постепенно, ползуче, незаметно для глаза произошла общественная девальвация выговора? То ли раздавали их слишком щедро, то ли снимали слишком легко... Только из разряда наказания они лениво переползли в разряд прикрытия; из грозного меча самоперековались в подобие щита.

И уже благодушный начальник мудро советует набедокурившему подручному: «Объявлю выговорешник, а ты сиди тихо: пронесет!..»

И проносит.

Так позвольте же высказать наболевшее предложение: пора произвести реальную переоценку выговора! Возможно, следует сопровождать выговор непременным лишением премии, а ежели таковой не предвидится — весомым денежным начетом. Вероятно, стоит вспомнить и такие оправдавшие себя меры, как временное понижение в должности, отсрочка в предоставлении квартиры... Но, во всяком случае, пора выбить из выговора архивную пыль и придать ему повышенное административное обеспечение.

Если же мое предложение будет сочтено незрелым, непродуманным, уводящим в сторону от магистральных задач, что ж, влепите мне выговор. Но только, пожалуйста, в старом масштабе цен.

«ПОПЛАВОК».

Рисунок А. КРЫЛОВА

Грехи молодости к старости кажутся добродетелями.

Н. СТАНИЛОВСКИЙ.

Сотня копеечных мыслей рубля не стоит.

А. ЛИГОВ.

Выставка-продажа — это когда одни товары продают, не успевая выставлять, другие выставляют, но не могут продать.

Л. БЕЛАЯ.

Ах, если бы в школе жизни оставляли на второй год!

В. ЛОМАНЫЙ.

Владимир МИТИН — РАССКАЗ

УЖАСНЫЙ РЕБЕНОК

В воскресенье мы бежали с женой по холодному дождю мимо дома Витьки Кошелева, моего сослуживца. Хороший товарищ, семьянин, член товарищеского суда. Правда, строговат, я бы даже сказал, несколько аскетичен.

— Давай зайдем,— предложил я подруге жизни,— погреемся. Конечно, насчет «маленькой» у него ни-ни, сухой закон, но чайком горячим побалуемся. Зайдем! Вот обрадуется... Он тут недавно даже с обидой какой-то говорил, журил нас: «Что же вы, черти, не заглянете, игнорируете товарища... Нехорошо это, не по-общественному...»

— Неудобно,— стуча зубами от холода, кокетничала жена,— нагрянуть этак экспромтом, не позвонив. И потом мы же не знаем номер его квартиры... Посмотри, у меня нос не посинел?

— Как синька,— проскрежетал я, отбивая «ча-ча-ча» на мокром тротуаре.— Бежим. Найдем его в списках жильцов и нагрянем.

Через несколько минут мы стучали и звонили в дверь Витькиной квартиры.

— Кто там? — спросили из-за двери.

— Откройте! — сказал я.— Это друзья Виктора Кошелева.

— Подождите,— отозвался голос,— я стул принесу, а то не достаю.

После долгой возни, шебуршания и стука дверь отворилась. Потирая ногу, на детском стуле стоял мальчик лет шести.

— Ну, здравствуй,— сказали мы.— Как тебя зовут?

— Саша,— буркнул мальчик.— Здоровеньки булы. Пузырек принесли?

— С микстуркой? — сюсюкнула жена.— С каплями датского короля?

— Ага, с каплями,— сказал мальчик, унося стул.— Сколько же градусов?

— Да градусов восемь,— ответил я, потирая озябшие руки.

— Совсем вода,— крикнул из кухни кошелевский отпрыск.— Я сейчас приду.

Мы вошли в комнату и сели на тахте. Некоторое время спустя появился Саша. Он нес тарелочку с огурцами.

— Вот,—сказал Саша.— Выпьем на нервной почве.

— Как? — несколько опешил я.— Как это на нервной почве?

— Не знаю,— ответил Саша.— А можно еще на базе технического прогресса.

— Скажи-ка,— растерялись мы,— ты сказал: на базе?

— Угу.—Он кивнул головой.— Это когда самогон два раза пропускают через аппарат новой конструкции. Получается отличный первач.— Саша щелкнул себя по горлу тонким указательным пальцем.— Вы посидите, а я пока в солдатики поиграю.

— Давай, давай,— приободрился я.— В солдатики — это очень хорошо...

Мы немного отходили от холода, туманчик в наших головах мало-помалу рассеивался. Саша что-то передвигал на маленьком столике, тихо бормоча под нос. Я прислушался.

— Не ходи одна,— произнес Саша громче,— а ходи с провожатой... Раз, два, три. Как же ты ходишь, сучья лапа? С трефей надо ходить, с трефей!

Привстав, я увидел на столике трех оловянных пехотинцев, стоявших навытяжку перед кучками замызганных игральных карт.

— Ты никак пасьянс раскладываешь? — изумилась жена.— Где же ты научился?

— Три ха-ха,— продолжало дитя, увлеченное игрой.— Иван Егорыч, ты играешь, старина, как совершенный сапожник. Да-с. И фунт прованского масла.

Мы снова похолодели. Посовещавшись шепотом, мы решили позвонить другим знакомым, жившим неподалеку, и посидеть у них.

— «А на кладбище все спокойненько,—запел Саша, раскладывая карты,— от общественности вдалеке... Все культурненько, все пристойненько...»

Я вздрогнул и, оглядываясь, набрал номер.

— Привет,— сдавленным голосом сказал я.— Это Дмитрин говорит. Можно к тебе зайти?

— «И закусочка на бугорке!» — страшно закричало дитя.— А я знаю, кем вы работаете. Вы Дмитрин, да? Вы самый первый на работе, да?

— Ну,— откашлялся я, радуясь такому обороту разговора.— Наверное, не первый...

— Первый, первый, первый! Дмитрин — первый аферист в управлении...

Мы опрометью выбежали в переднюю.

— Давить надо таких, как Дмитрин! — донеслось из комнаты.— Заходите вечерком — дрызнем! Дерябнем!

Мы неслись по лестнице, а из квартиры еще слышалось:

— По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей...

В подъезде мы чуть не сбили с ног какого-то гражданина. Гражданин расставил широко руки с какими-то свертками и пошел на нас врукопашную, но вдруг остановился, спрятал свертки за спину и сладко сказал:

— Друзья! Ко мне? Благодарю, благодарю. А я вот только с семинара, с лекции в университете культуры. Шел и все думал: вот бы Дмитрины на огонек завернули. Но куда же вы?! А? Зайдем. Чайку выпьем. Или партию в шахматы, а? В лото можно...

Я хотел дать ему по зубам, но воздержался. Как-никак общественник, член товарищеского суда. И суров, суров, каналья...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Улов рыбнадзора

Свидетельствую, как очевидец: художник И. М. Семенов изобразил все не только смешно, но очень даже достоверно. То есть почти так, как оно было на самом деле. Потому что рисовал Иван Максимович, можно сказать, с натуры.

В городе Уральске мы зашли в областное управление рыбоохраны, чтобы пригласить с нами на зарисовки старшего инспектора товарища Байдалиева.

— А Жолдас Байдалиевич,— сказали нам,— уже выехал на катере вниз по Уралу. Ждем большую рыбу.

Старший инспектор по образованию инженер-ихтиолог. Зимой он печется о том, чтобы судаки и лещи, не дай бог, не остались без кислорода. Летом — в хлопотах о молодом рыбьем поколении. Круглый год до хрипоты бьется он с теми, кто хочет спустить в Урал вонючее озеро, возникшее на окраине Уральска, или иные столь же ароматные отходы — в других местах.

И все-таки самая большая привязанность ихтиолога — это браконьеры. Мы ехали по следам старшего инспектора и видели стоявшие на приколе моторки браконьеров и живую рыбу, отобранную у них и сданную в магазины рыбкоопа.

Жолдас Байдалиевич на быстроходном катере прошел от Уральска до южной границы своих владений. Мы догнали его за маленькой деревушкой Хорьки. Дальше начиналась Гурьевская область.

В пути следования инспектор рыбоохраны задержал двадцать браконьеров, вышедших встречать «большую рыбу». Среди задержанных оказалось:

бакенщиков — 6,

председателей областного общества охотников — 1 (персонально Боровко Г. М.).

У браконьеров отобраны десятки сетей, остроги (точь-в-точь такие, какие наши художники рисуют в лапах у Крокодила), сотни килограммов жереха, судака, воблы.

Однако сами работники рыбоохраны считают этот улов пустяковым.

— Вот когда пойдут осетровые!..

Этого момента, когда вверх по Уралу начнут подниматься на нерест осетр, севрюга, белуга, шип, здесь ждут с нетерпением. К нему готовятся всю зиму.

Браконьеры ладят сети, готовят остроги, конопатят лодки, приводят в боевую готовность авто- и мотопарки.

Инспектора рыбоохраны запасаются чистыми бланками протоколов задержания.

Конечно, у инспекторов тоже есть и мотоциклы, и автомобили, и моторные лодки. А катер «Надзор», на котором Жолдас Байдалиевич совершил свой рейд, развивает скорость до 35 километров в час и наводит тоску на чересчур азартных любителей икорки и осетринки.

В период нереста на помощь рыбоохране спешат сотни добровольцев из Астрахани, из Архангельска — курсанты школы милиции, студенты. И все-таки... Браконьер хитер, изобретателен, изворотлив. А на одного инспектора приходится участок реки в сорок километров. А у реки, как известно, два берега, и на каком из них у браконьера стоит наготове мотоцикл, инспектор узнает подчас слишком поздно.

Нередко браконьер уходит от возмездия только потому, что инспектор... неправильно оформил протокол. Суд возвращает дело.

— Многие наши инспектора,— пожаловался тов. Байдалиев,— плохо знают мотор. Малейшая неисправность — и лодка стоит у берега, а мотоцикл — во дворе.

Стало быть, надо на всю катушку использовать зимние, относительно спокойные месяцы. Устраивать для инспекторов обстоятельные курсы, учить их и тому, как починить мотор, и тому, как юридически грамотно оформить протокол задержания для передачи дела в суд. И пусть их учат этому инженеры-механики, судьи и прокуроры. Чтобы браконьер не смог уйти от возмездия.

Урал — одна из немногих наших рек, которую облюбовала для жительства самая ценная из рыб — красная рыба. И, конечно же, мы в состоянии уберечь это народное добро от самых осатанелых хищников.

А. СУКОНЦЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Борт катера «Надзор»,
река Урал.

Алексей ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила

НЕБО С ОВЧИНКУ

Этот прыжок в голубой океан я совершил по приглашению командира «Ан-2» одного из украинских отрядов сельскохозяйственной авиации Я. А. Залозного. Легкокрылые аэропланы стояли в ряд, трепеща на ветру крыльями, словно бабочки. На таких мне летать не приходилось.

— Ну, который тут ваш корабль? — мужественно спросил я, приготовившись к любым неожиданностям.

— А у меня нет корабля,— ответил Залозный.— Погорел я на бочке...

Вот тебе на! Летал человек на тихоходном «кукурузнике», сеял с неба гранулированный суперфосфат, селитру и прочую манну небесную. И вдруг выкинул лихую фигуру высшего пилотажа.

— Не на пилотаже я погорел,— махнул рукой Залозный.— На самой обыкновенной бочке. Из-под соленых огурцов!

И тут я услышал историю, которая надолго оторвала меня от земли и швырнула в объятия пятого океана.

В одном совхозе экипаж самолета героически закончил рассев минеральных удобрений. По такому выдающемуся поводу решили выпить. Выпили. Мало. Решили добавить. А когда уже не стало чего добавлять, командир корабля Абаев скомандовал слегка заплетающимся языком: «По коням!» Самолет взмыл под облака.

Второй пилот Бурахович, авиатехник Юдин и авиамеханик Табунченко принялись обсуждать жгучую проблему насчет добавить. И так увлеклись, что не заметили, как их командир... заблудился. Хоть убей—не найдет свой аэропорт.

Стали сообща искать ориентиры. И заблудились окончательно. Солнце уже садилось, когда авиатехник увидел на земле какую-то бочку.

— Шпирт!!! — радостно завопил он.— Вижу шпирт!

Самолет лихо спикировал на бочку. Трах! Клепки— в одну сторону, лопасти от винта — в другую. А главное, бочка оказалась пустая. Из-под соленых огурцов.

Но никого в аэропорту это приземление на бочку не сбило с привычного жизненного курса. Пока ремонтировался самолет, летчикам платили квартирные и суточные. Начисляли гектары посевов, якобы засеянные удобрениями. Гектары включали в выполнение плана. За выполнение плана авиаторов стимулировали премиями.

Так бы все и шло своим чередом, тихо-мирно, если бы летчик Залозный не вмешался.

Вместе с командиром звена В. М. Манкевичем они написали обо всем в Министерство гражданской авиации и областной комитет народного контроля.

Их немедленно вызвали в штаб отряда:

— Давайте, соколы, приземляйтесь! Отлетались...

— Пусть приземляются те, кто бочку разнес! — воспротивились летчики.

— Это не ваша забота!

Прослужившие в авиации более двадцати лет хорошие летчики срочно стали плохими. Герой Советского Союза В. М. Манкевич вдруг оказался никудышным командиром звена. Ударник коммунистического труда Я. А. Залозный—никчемным авиатором. И оба вместе — клеветниками областного масштаба.

Герой Советского Союза потребовал сатисфакции. Он подал командиру объединенного авиаотряда А. П. Овечкину рапорт о том, что не считает для себя возможным работать в авиаотряде, где творятся такие безобразия.

А товарищ Овечкин вызова не принял. Привычным движением он извлек из кармана шариковую авторучку и философски начертал на уголке рапорта бисерным почерком: «Не возражаю». И перешел к текущим делам.

А заняться ему было чем. На его письменном столе как раз появился приказ № 273 по Украинскому управлению гражданской авиации. Приземление на бочку при проверке подтвердилось. В приказе повторялось все то, что писал Манкевич, и даже более решительно: «ложь, обман и очковтирательство», «круговая порука и беспринципное отношение к нарушителям дисциплины».

— Ах, так!..

Овечкин привычным движением повернул рычажок селектора. Его слегка взволнованный голос зазвучал в репродукторе на столе у юрисконсульта.

— Итак, Манкевич на земле. А где Залозный?

— Сдал экзамены на «отлично» и полетел бороться с долгоносиком!

— Инвалид войны, пенсию получает, а летает! Нет ли здесь махинации? Может быть, Залозный вовсе и не Залозный? А? Ранило на фронте одного, а летает другой?! Подготовьте-ка письмо в областную прокуратуру...

Ответ областной прокуратуры не обрадовал командира отряда: Залозный пенсию получает законно, допуск к летной работе входит в компетенцию врачей.

— Бюрократы! — отчеканил Овечкин.— Найдем и на них управу. Есть еще прокуратура республики!

Но прокуроры как сговорились. Из Киева ответили: «...нет оснований для предъявления каких-либо претензий к Я. А. Залозному и комиссиям, дававшим заключения».

— Чинодралы! — выразился командир отряда.

И, может быть, добавил бы что-нибудь покрепче, но тут принесли постановление областного комитета народного контроля о недостатках при проведении авиационно-химических работ в колхозах и совхозах. Письмо летчиков в народный контроль также подтвердилось. Комитет объявил Овечкину строгий выговор.

Две недели в служебных кабинетах аэропорта было тихо, как на свекловичных грядках. А затем на столе юрисконсульта вновь щелкнул репродуктор.

— Пора позаботиться о здоровье Залозного,— прозвучал голос командира.— Что? Не жалуется? Подготовьте опись всех болезней, на которые он не жалуется.

И в то время, когда летчик Залозный бодро сеял с неба гранулированный суперфосфат, в Министерство гражданской авиации поступила депеша. В ней перечислялись всевозможные недуги, какие только можно почерпнуть из популярного учебника медицины,— от бессонницы до колик в животе включительно. Заканчивалась депеша небольшой, но трогательной просьбой: «Прошу Вашего указания о пересмотре решения ЦВЛЭК о годности тов. Залозного Я. А. к летной работе».

Легко сказать! А где взять такое указание, чтоб здоровый стал больным? Врачи ЦВЛЭК (Центральной врачебно-летной экспертной комиссии) сделали, конечно, что могли. Залозного месяц держали в больнице, сажали в барокамеру, вертели на вращающемся стуле и даже водили к знаменитым московским психиатрам. Но и врачи оказались такими же завзятыми бюрократами, как и работники прокуратуры. Они вновь подтвердили свое заключение: «Годен к летной работе».

И сегодня бы летчик Залозный сеял с неба минеральные удобрения, атаковал сельскохозяйственных вредителей, если бы начальник медико-санитарного управления министерства А. И. Кравцов не поддержал заботливого командира отряда. Он дополнил существующие правила и законоположения собственноручным распоряжением, после чего в медицинском деле летчика появилась новая запись: «Негоден к летной работе согласно указанию начальника МСУ МГА, как имеющий инвалидность третьей группы». Так бескрайный голубой океан стал для Залозного небом с овчинку.

...Два месяца я курсировал по кабинетам малых и больших авиационных начальников. Собрал тома документов, имел множество более и менее впечатляющих встреч. Но особенно мне запомнился визит к заместителю командира отряда по политчасти О. В. Бойко.

— Вы, конечно, по жалобе Манкевича и Залозного, — предупредительно сказал замполит.— Ну что ж, ознакомьтесь с обзорными справочками на того и на другого...

Он протянул мне два документа по десять страниц в каждом. Составлены они были старательно, с любовью к делу. Сперва в них перечислялись все взыскания, какие удалось раскопать в архивах. Затем шла опись всех возможных и подозреваемых прегрешений. И, наконец, скрупулезная запись устных высказываний. Где, что и о ком говорили летчики-смутьяны и кто, что и где говорил о летчиках.

Раскрыл я сборники этих компрометирующих документов (компроматов, как это называлось когда-то), и на меня повеяло чем-то таким старым и затхлым...

— И на основании этих досье вы отстранили летчиков от работы?—спросил я.

— Ни в коем случае! — горячо запротестовал Бойко.— Это мы позднее составили. Ну, для удобства, что ли... А Манкевича никто не отстранял. Он уволился по собственному желанию. Залозный же, помимо прочего, еще и клептоманией страдает. Похищает документы...

— Какие же документы он похитил?

— Конкретно я, конечно, не могу назвать, какие именно. Но совершенно точно знаю, что он это иногда делает... А однажды даже чуть было не выдал себя за прокурора. По телефону. Правда, точно не установлено, куда звонил и он ли звонил. Но, говорят, звонил...

И дальше все на таком же уровне и с такой же убедительнейшей аргументацией...

Заканчивая путешествие в голубую державу, я посетил начальника политуправления министерства Г. Ф. Безбородова.

— Случай совершенно ясный,— сразу же перешел к делу начальник политуправления.—Залозный — инвалид войны. А инвалиду мы летать не разрешим. Проводим на пенсию, с премией проводим...

— Летчик Залозный прослужил в гражданской авиации двадцать лет. О том, что он инвалид, вспомнили только тогда, когда он выступил с разоблачением безобразий. Не кажется ли вам странным такое совпадение?

Безбородов поднял указательный палец и повертел им перед моим носом.

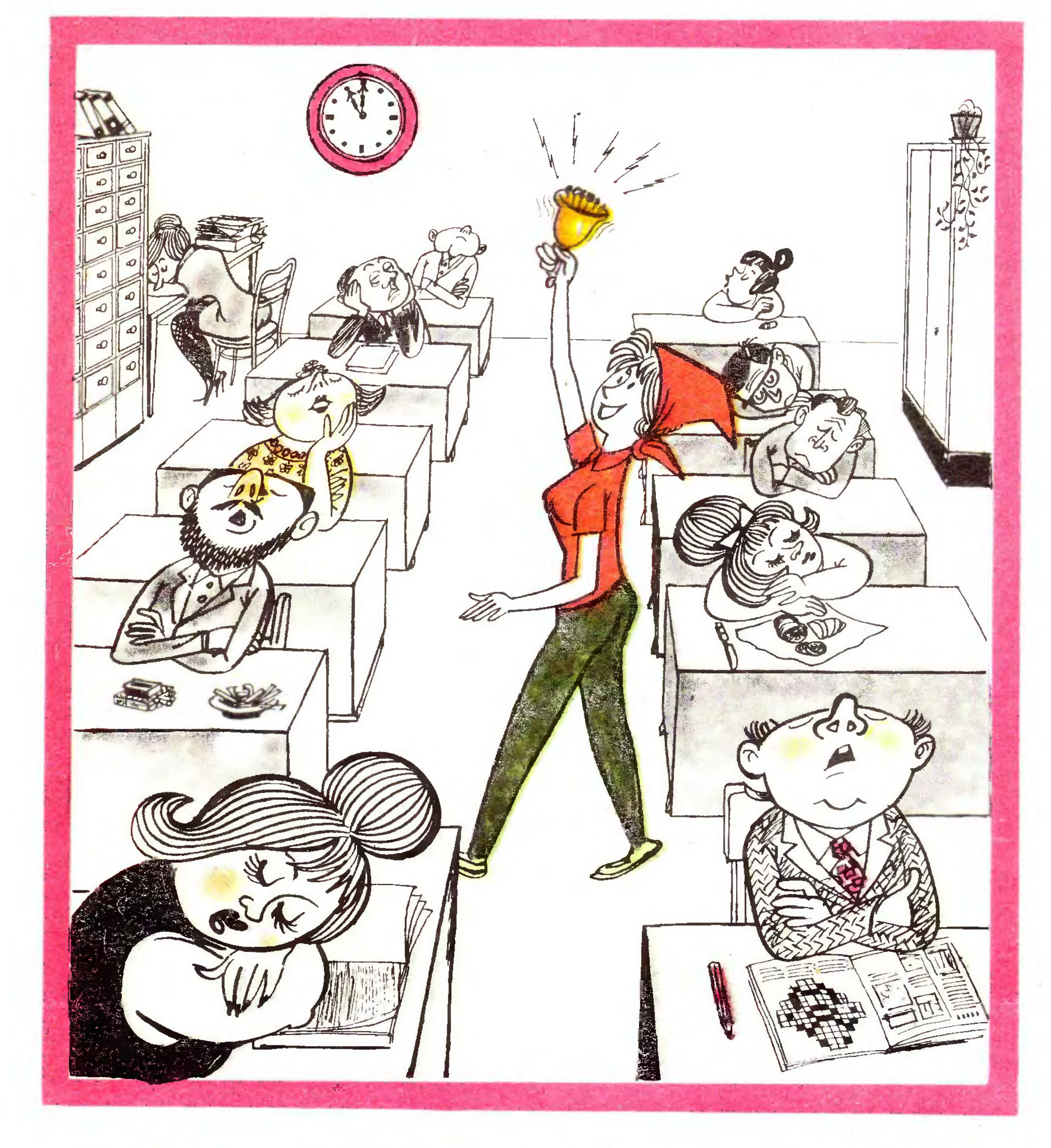
— Вы тут не увязывайте!.. Не увязывайте!..

Вернувшись в редакцию, я узнал, что на меня уже поступила жалоба. Заместитель командира авиаотряда О. Бойко, секретарь партбюро А. Хулап и председатель месткома А. Безверхий просили ни в чем мне не верить.

Прием известный! Кандидаты в фельетонные герои частенько шлют фельетонистам вдогонку вот такие послания, наивно полагая, что тем самым скомпрометируют автора и отведут огонь от себя. Но в отличие от прочих подобных посланий это содержало еще и просьбу «оградить коллектив и его руководителей от некомпетентных вмешательств».

Оказывается, в представлении некоторых руководящих авиаторов любой человек, не имеющий на рукавах золотых нашивок,— это некомпетентная личность, неспособная отличить бочонок со спиртом от пустой бочки из-под огурцов...

Киев — Москва.

— На производственную гимнастику просыпайсь!

Рисунок Б. САВКОВА

Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ

Полтора миллиметра

Прыгнул я в высоту. Ну, в общем, довольно высоко. На полтора миллиметра выше рекорда.

Наутро приходит писатель.

— Роман написал. Где просчеты — в форме или в содержании? Покритикуйте!

— Простите,— говорю,— я спортсмен и к лите...

— Знаю, знаю. Но ваша известность!

Оставил рукопись и ушел.

Днем звонок. На пороге — изобретатель.

— Машинка моя простая, щелкает орешки. Но хотелось бы знать ваше мнение. По конструкции, по электронике.

— Простите,— говорю,— я спортсмен и к маши...

— Понимаю. Но ваша слава! Очень прошу.

Оставил машинку и ушел.

Вечером заглянул композитор-песенник.

— Песня свежая. Только что из-под рояля. Посоветуйте, что исправить.

— Спортсмен я и к музы...

— Знаю, знаю. Но ваше имя!

Оставил листки и убежал.

Назавтра — встреча с физиками.

— Что скажете о новом синхрофазотроне?

— Не знаю, товарищи, я ведь в высоту прыгаю.

— Так оттуда ж виднее!

И так изо дня в день. И нужно мне было эту высоту брать! Хоть обратно прыгай. А как?

Присылают диссертации на рецензию, пьесы на отзыв, переводы с санскрита на редактирование.

И вдруг — тишина. Ни писем, ни посетителей, ни встреч. Что такое?

Разворачиваю газету и вижу: Мишка прыгнул выше меня на полтора миллиметра. Звоню ему.

— Поздравляю,— говорю,— с рекордом!

— Спасибо,— отвечает,— но некогда тут с тобой. Мне еще одному скрипачу, двум биологам и трем гомеопатам ответить надо.

Пожалел я его. А потом сел мемуары писать. Вчера закончил. Сегодня Мишке на рецензию отослал.

г. Ленинград.

Александр ИВАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Март простодушный

(Булат Окуджава)

Собирайтесь, фехтовальщики, боксеры,
теннисисты,
велогонщики, жокеи —
все, кто сердцем юн и чист!
Разобьемся мы на пары:
с шахматистом шахматистка,
с теннисистом теннисистка,
с фигуристкой фигурист.
Мы куда-нибудь отправимся,
далеко или близко,
по дороге напевая
летку-енку или твист.
А потом перемешаемся:
с боксером фигуристка,
с футболистом акробатка,
с теннисисткой шахматист.
Не пираты, не злодеи,
не сектанты-адвентисты,
на успех и одобренье
мы имеем верный шанс.
Мы споем и потанцуем,
как и свойственно артистам,
а потом объединимся
и сыграем в преферанс!

Баллада о левом полузащитнике

(Евгений Евтушенко)

Устав от болтовни
и безыдейности,
заняться я хочу
полезной деятельностью,
в работу окунувшийся
по щиколотку,
я в левые иду
полузащитники.
Что б ни болтали
шкурники и лодыри,
в команде нашей
стал я первым номером!

Я получаю мяч. Бегу.
Мне некогда,
тем более,
что пасовать мне некому,
а если бы и было —
на-кась, выкуси! —
я сам хочу
финты красиво выполнить.
И вот уже
защита проворонила,
и я уже возник
перед воротами,
вопят трибуны —
мальчики и девочки,—
и мне вратарь
глазами знаки делает...
Я бью с размаху
в правый верхний угол.

Бросок! Вратарь
летит на землю пугалом,
но где уж там...
Удар неотразимый!
Как материт меня
вратарь-разиня!

Я оглушен
команды нашей криками,
и тренер
как-то очень странно кривится,
и голос информатора
противный:
«Счет 0 : 1».
Ликует... наш противник,
и по трибунам
ходят волны ропота.
Ах, черт возьми,
я бил в свои ворота!
И сам себе я
повторяю шепотом:
«А что потом,
а что потом,
а что потом?..»

Очередь за пенсией.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Михаил РАСКАТОВ

Болезненная история

(РЕЧЬ НА ВООБРАЖАЕМОМ ЗАСЕДАНИИ ВООБРАЖАЕМОЙ ВТЭК ШТАТА АЛАБАМА, США)

Коллеги, перед вами Джордж Уоллес —
Страдающий, несчастный человек.
Замечу по-латыни:
Воленс-ноленс,
Его пора обследовать во ВТЭК.

Он был на дюйм от смерти, даже ближе—
Болезнь текла критически весьма,
Однако в целом Джордж Уоллес выжил,
Хоть, в частности, он выжил из ума.

В аспекте этом станет ясной сразу
Суть многих дел, что он нагородил,—
У пациента ум зашел за разум
И больше уж назад не выходил.

Джордж Уоллес после перенесенного во время войны менингита был признан тяжелым психоневротиком и даже получал от государства денежную помощь как психически дефективная личность. Тем не менее он был выдвинут кандидатом в президенты США.

Мечтает он о президентском троне,
Могущественной силою храним.
Идеей трона он настолько тронут,
Что тронулись иные вместе с ним.

Его мечты о власти окрыляют,
Ему бы пострелять по неграм всласть!..
Себя он к высшей расе причисляет,
Меж тем как ниже некуда упасть.

В концлагерь красных, розовых и прочих!..
В огонь библиотеки — пусть горят!..
Пред вами параноик, а короче —
Короче, явный ультрапсихопат!

Коллеги, я вниманьем вам обязан.
Мне кажется, вы сходитесь на том,
Что мистеру Уоллесу показан
Не Белый, а банальный желтый дом.

Александр ВИХРЕВ

Пэрри Родан юбер аллес

ПАМФЛЕТ

Уж полночь близится, а Михель все не спит. Не помогает ему и люминал. Назойливый лязг бундесверовских гусениц за окном высекает из памяти западногерманского обывателя мрачные воспоминания: руины сорок пятого года, похоронные аккорды нюрнбергского приговора, дым и смрад берлинских пепелищ... «Гитлер, Гитлер юбер аллес... юбер аллес...» Фюрер превыше всего, над всем... там, высоко, в небесах... Обыватель ворочается с боку на бок, плотнее затыкает уши ватой, но въедливый скрежет гусениц будто через поры просачивается в мозг и бередит давно, казалось бы, растаявшие видения позорной гибели «тысячелетнего рейха».

Рука Михеля машинально тянется к тумбочке. Среди сигарет, успокоительных таблеток, снотворных порошков—книжка в глянцевитой обложке. На обложке корчатся монстры — не люди, но и не насекомые, а стройный гигант в чешуйчатом скафандре невозмутимо испепеляет их голубым смертоносным лучом...

Спи, братец Михель, усни — усни под колыбельную сказочку о несокрушимом титане Пэрри Родане, всемогущем великане Пэрри, полубоге и сверхчеловеке, космическом властелине и Великом Администраторе Вселенной. Спи, обыватель, усни и не терзайся напрасными раздумьями о днях прошедших и днях грядущих, ибо все приходит и все уходит, а фюреры, которые думают за тебя и хранят тебя, остаются.

И начинается эта пророческая сказка, братец Михель, не в бесконечных далях необозримого будущего, а куда раньше — может быть, где-то в следующем веке. Слушай.

Пэрри Родан с тремя своими друзьями садится в космический корабль и отправляется в очередной рейс. Великому астронавту уже пятьсот лет, но он моложе нас с тобой, потому что он бессмертен.

А на Луне — слушай, Михель, слушай! — в это время сделал вынужденную посадку другой космический корабль. Он прилетел из тридевятой туманности, из тридесятой галактики, а точнее, с загадочной планеты Аркон. И арконилы, оказавшиеся на Луне, своими неведомыми мощными приборами заставляют корабль Пэрри тоже прилуниться — рядом с ними. Так происходит знакомство двух разных космических цивилизаций.

Ты и представить себе не можешь, бедный Михель, до каких прямо-таки недоступных человеческому разумению тонкостей дошла у этих арконидов наука и техника. До таких, что они сумели огнем и мечом сколотить в космосе Великую Империю — огромное и даже безграничное межгалактическое государство. Целые звездные системы считаются в этой империи глухими провинциями, а, например, созвездия Большой или тем паче Малой Медведиц — всего лишь захолустными медвежьими углами.

Но вот беда: сами аркониды от чересчур перегруженного и изощренного своего ума вырождаются и мельчают, и поэтому их империи грозит неминуемый распад. И тут-то — ты, конечно, уже догадываешься, милый Михель? — они предлагают несравненному Пэрри Родану стать их повелителем, или, по-нашему, по-земному, императором. Ну, еще проще — рейхсфюрером. Взамен же они согласны передать ему все тайны своего могущества, чтобы он установил и на Земле и в космосе образцовый порядок. Если хочешь, славный Михель, можешь по старой памяти называть этот порядок новым.

И Пэрри сказал арконидам: «Да, я буду императором, ибо я прежде всего хочу установить на Земле мир и сотрудничество всех государств». Конечно, ты-то знаешь, добрый Михель, каким образом могут быть установлены мир и сотрудничество всех государств. Только посредством силы, силы и еще раз силы. Разве Европа под властью Гитлера не была почти идеальным образцом такого сотрудничества? И разве ты в конце концов не установил бы в Европе прочнейший мир, если б не ряд небольших досадных просчетов в стратегической оценке характера русской зимы, а заодно весны, лета и осени? Но зато теперь ты узнаешь, братец Михель, что проницательному Пэрри удалось взять за эти просчеты блестящий реванш.

Дело в том, что аркониды располагали таким супероружием, о котором землянам еще и не снилось. Ведь галактическую империю, как ты понимаешь, нельзя надежно охранять с помощью каких-нибудь там смехотворных атомных петард и водородных хлопушек. Так вот, беря на себя нелегкую миссию великого звездного императора, Пэрри Родан тактично намекнул арконидам: «Для космических войн необходимо иметь всепобеждающее оружие окончательного уничтожения». Ты хочешь сказать, что в свое время именно так называли снаряды ФАУ-2 некоторые наивные оптимисты из вашего генерального штаба? Что ж, история и в самом деле повторяется, но ведь, как известно, повторение — мать учения.

Аркониды, конечно, не замедлили снабдить Пэрри лучшими образцами своего космического оружия. А он не преминул использовать весь этот великолепный арсенал для наведения на Земле должного порядка и спокойствия. Вернувшись с Луны, он продемонстрировал потрясенным землянам действие своего сверхоружия и под угрозой его применения вынудил все государства к взаимному сотрудничеству. А что было делать? Не мог же Пэрри держать в узде необъятную Великую Империю, не обеспечив себе надежного тыла.

Верховное же управление всеми земными делами, как ты понимаешь, мудрый Михель, взял на себя сам космический фюрер Пэрри со своими министрами. И, будь спокоен, это—твердое управление в духе тех принципов, которые когда-то сформулировал твой земной фюрер Адольф. Недаром один из министров Родана сказал: «Мораль, сын мой,— это нечто такое, что следует оставить теоретикам, поэтам и высохшим старым девам». Разве не звучат эти слова сладчайшей музыкой для всякого, кто упивался нетленными страницами «Майн Кампф», верный Михель?

Вот так Пэрри стал повелителем Вселенной, фюрером бескрайнего космического рейха, который он назвал Солнечной Империей. Если хочешь, славный Михель, можешь назвать ее Четвертой.

Чтобы подавлять внутренние смуты и оборонять империю от внешних врагов, Пэрри создал многомиллионную армию из отборных солдат чистой земной расы — выносливых, преданных, нерассуждающих человеческих механизмов, готовых погибнуть за своего фюрера в любую секунду в любой точке Вселенной. Имея такую армию, Пэрри может наконец не без гордости заявить: «Человечество — это я! Только я лично несу ответственность за судьбы Земли, за космос и за все, что есть в этом мире!»

Что же дальше? Рассказать ли тебе, братец, о том, как с помощью техники арконидов на Земле строятся крупнокалиберные космические корабли, обладающие сверхсветовой скоростью, для завоевания, по словам Пэрри, «новых жизненных пространств»? И как разворачиваются в бездонных пучинах Вселенной гигантские космические войны, опустошающие целые галактики?..

Или, быть может, братец Михель, для крепкого и спокойного сна тебе достаточно и того, что ты услышал сегодня? А завтра у тебя будет новая книжечка о Пэрри Родане, и ты узнаешь о новых земных и космических подвигах великого властителя Пэрри, белокурого фюрера Пэрри, твоего обожаемого кумира Пэрри...

Спи же, Михель, усни и не отягощай свою светлую арийскую голову тщетными мыслями о прошлом и будущем, ибо все приходит и все уходит, но фюреры, отвечающие за тебя и ведущие тебя в золотой век тысячелетнего рейха, были и будут. Спи, глупый Михель, усни...

Книжка падает из сонной руки Михеля, за окном густеет ночь, еще раз проскрежетали танковые гусеницы, и все умолкло до утра.

Спят глупые Михели, а новый завтрашний Пэрри Родан уже подкрадывается к их книжным полкам, кошелькам и мозгам. Завтра двести двадцать тысяч Пэрри Роданов в новой обложке — таков еженедельный тираж этой серии — выпрыгнут из типографии мюнхенского издательства «Мёвиг Ферлаг» и со скоростью почтовых фургонов ринутся к своим жертвам.

Спят Михели,— не спят издатели. Скоро будет десять лет, как под борзым пером Ганса Кнайфеля родился космический фюрер Пэрри. За это время вышло четыреста книжек общим тиражом 45 миллионов экземпляров, не считая ежемесячных выпусков серии «Наш человек в космосе». Из мутной «научно-фантастической» скважины неудержимо рвется поток фантастических чистых прибылей.

Но Пэрри Родан — это не только карманное чтиво. Это значки с изображением Пэрри и его портреты в рамках, кроссворды и настольные игры, лозунги и пословицы, клубы и дискуссии, афоризмы и плакаты («Каждый порядочный человек читает Пэрри Родана!»)—словом, по всем приметам, широко поставленный и солидно обкатанный литературно-политический бизнес.

Спит Михель... И что же снится ему, наглотавшемуся «свежих новостей» из того смятенного грядущего мира, где Великий Администратор Вселенной, деловито приговаривая: «Право всегда за сильнейшим»,—одним мановением руки обращает в прах целые цивилизации? Не мерещатся ли ему на моложавом лице космического фюрера некие черные усики? И не замечает ли он в бесконечных шеренгах войска Пэрри Родана, в этом безликом море человеческого стада, отправляемого на межпланетную живодерню, свою собственную растерянную физиономию?

Конечно, богоподобный Пэрри Родан — это еще не сам земной бог того западногерманского обывателя, который так и не излечился от шовинистической горячки, а лишь литературный прообраз такого бога. Но обороты Пэрри-бизнеса, число Пэрри-поклонников и вообще масштабы всего этого Пэрри-ажиотажа таковы, что сам собой напрашивается вывод: сегодня, как и сорок лет назад, упомянутый западногерманский обыватель втайне тоскует по «сильному человеку» и по «твердой власти».

Впрочем, к такому выводу пришел своим ходом и западногерманский журнал «Пардон», дотошно изучивший Пэрри-проблему и посвятивший ей несколько страниц в одном из недавних номеров. Журнал подметил немало разительных линий сходства между фюрером Пэрри Роданом и фюрером Адольфом Гитлером. «Подавляющую часть этой литературы (о Родане.— А. В.),— утверждает журнал,— можно рассматривать как идеологическую подготовку к созданию «тысячелетних рейхов»...»

Спит Михель, не спят его доброхотные пастыри. Политическая арена сегодняшнего боннского государства подернута коричневатой дымкой. Плодятся и размножаются реваншистские союзы, неонацистские партии, национал-социалистские сообщества. Знакомые бесноватые нотки слышатся в голосах политических витий, алчущих — как минимум! — новой перекройки Европы. По мостовым лязгают бундесверовские гусеницы. Пэрри Родан чувствует себя в своей компании.

«Сильный человек бродит по Федеративной республике,— пишет о нем «Пардон».— Сотни тысяч читателей еженедельно лежат у его ног... Но знают ли они, как опасен этот человек?»

Ответа нет.

Михель спит, убаюканный всемогущим, царственным, сказочным Пэрри Роданом.

Эх, Михель, Михель... Куда еще заведет тебя смиренная мышиная мечта о сильной руководящей крысе?

Как Пэрри Родан узнал Великую Тайну.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Георгий ПОЛЬСКОЙ

Этот удивительный мистер Термонд

Позвольте представить: Стром Термонд, сенатор-республиканец от штата Южная Каролина.

Господин сенатор — совершенно удивительный человек. Несмотря на свои почтенные годы — ему под семьдесят,— он любит поражать друзей и почитателей своей физической ловкостью. С легким кряхтеньем он становится на голову и, слегка балансируя ногами для равновесия, пребывает в этой позе несколько минут. Таким образом господин сенатор сразу дает понять, что у него крепкая голова и что он умеет сохранять равновесие, столь необходимое для опытного политического деятеля. К тому же у мистера Термонда довольно крепкие бицепсы. Лет пять назад он сумел бросить на пол сената — бросить в прямом смысле этого слова — своего куда более молодого и неизмеримо более либерального коллегу Ральфа Ярборо.

Совершенно очевидно, что, отличаясь столь выдающимися качествами, мистер Термонд мог смело рассчитывать на незаурядную политическую карьеру. Однако крепкоголовый каролинец обладает еще и другими талантами, которые делают его поистине необыкновенным человеком. Дело в том, что голова мистера Термонда хороша не только для стойки на ней: в его голове рождаются мысли, от которых сильнее бьются сердца расистов и слезы умиления навертываются на глаза самых закоренелых реакционеров.

Сенатор Термонд был членом демократической партии, пытался организовать свою собственную партию, перешел в стан республиканцев. Тем не менее его принципиальность ни у кого не вызывает сомнений.

Это он постоянно требует дальнейшей эскалации войны во Вьетнаме. Это он убеждает передать атомное оружие Западной Германии, «которая мыслит, как и мы». Это он в расистском экстазе сумел побить рекорд флибустьерства в сенате, установленный еще в 30-х годах незабвенным мракобесом Хью Лонгом, проговорив без перерыва 24 часа 18 минут. Целью этого риторического гангстеризма было провалить законопроект о введении совместного обучения белых и черных детей. Однако, хотя диверсия Термонда окончилась неудачей, он снискал новые лавры. «Помилуйте, это же просто чудо! Мало того, что умеет стоять на голове, он еще и говорить умеет!» — умилялись поклонники каролинца.

Это он везде и всюду твердит, что страна опутана коварной сетью жуткого коммунистического заговора и что многие видные американцы, сами того не ведая, попали в эти сети, как кролик в силки, став предателями американского образа жизни. Термонд уличил в «связях с коммунизмом» даже бывшего президента Линдона Джонсона...

Теперь судите сами: человек умеет стоять на голове, кидает либеральных сенаторов на обе лопатки, умеет говорить сутки без остановки, разнюхал «коммунистический заговор»... Это не рядовой политический деятель, это мессия реакции, апостол мракобесия, перед которым преклоняют колена его умиленные единомышленники.

Мистер Термонд отлично сознает, что таких, как он, крепкоголовых титанов даже глухое провинциальное болото расистского Юга рождает крайне редко. Поэтому он ревностно следит за состоянием своего здоровья. Он самым тщательным образом сохраняет себя для истории. Его утренняя зарядка изобилует весьма сложными упражнениями. Затем он кушает, вернее, принимает пищу. По утрам, например, он завтракает кашкой с орехами, богатыми протеином. Мистер Термонд не только не пьет спиртного — даже чая или кофе он не потребляет. В его рационе только соки. В перерывах между заседаниями сената он удаляется в кабинет, где сосредоточенно упражняется со штангой. Он должен быть всегда в хорошей спортивной форме, чтобы сокрушить очередного либерала.

Мистер Термонд не расстается с зубной щеткой. После каждого приема пищи он засовывает щетку в рот и равномерными движениями очищает зубы и десны. Таким образом сенатор добивается полного исчезновения запаха.

Тем не менее запах есть. И довольно сильный. От мистера Термонда за версту несет зловонием мракобесия и антикоммунизма.

Таков этот удивительный мистер Термонд.

Выжимает...

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

БОНН. Газета «Дн вельт» недавно занялась подсчетом бездомных, число которых в ФРГ дошло до полумиллиона. Вот одно из описаний гамбургских пригородов:

«С трудом верится, что здесь ютится почти шесть тысяч человек. Ветхие лачуги со странными, бесформенными пристройками из старых ящиков, грязь, зловоние».

Однако не следует думать, что о бездомных не заботятся. Например, главный административный суд в Мюнстере после долгой и кропотливой работы смог дать точное определение, ного следует считать бездомным: «Бездомность есть такое состояние, когда человек не нмеет над головой крыши н вынужден проводить круглые сутни на улице».

Это ли не помощь бездомным, статус которых отныне приобрел юрндическую силу?

В нескольких городах в продаже имеется книга под названием «Указания относительно попечения о бездомных».

В Кельне создано «Бюро по ликвидации жилищной нужды», в штате которого насчитывается сто шестьдесят чиновников. Количество бездомных в городе пока еще не сонратилось, но зато все сто шестьдесят служащих бюро получают вполне приличную зарплату...

МАЙАМИ (США). Стремясь повысить уровень религиозного благочестия у заключенных, администрация местной тюрьмы объявила, что отныне каждым посещением богослужения в тюремной церкви арестант сокращает на один день срок своего пребывания в заключении. Как и следовало ожидать, религиозные чувства заключенных резко уснлились.

* * *

ЦЮРИХ. Швейцарсний еженедельник «Вельтвохе» прнводит шутку, имеющую хождение в Испании: француз, американец и испанец беседуют об успехах хирургии. Француз заявляет: «Наши врачи научились пересажнвать сердце за два часа». Американец: «Наши специалисты делают то же самое за один час». Испанец говорит: «А у нас требуется восемь часов, чтобы удалить один зуб. Почему? Потому что из-за чрезвычайных законов все боятся открыть рот».

* * *

ЛОНДОН. В наше время, оказывается, можно купить целое королевство, и причем не очень дорого: всего за 240 тысяч фунтов стерлингов. Продается остров Лэнди в Бристольском заливе. Он считается независимым королевством и был таковым начиная с двенадцатого века. Остров Лэнди расположен в 11 милях от юго-западного побережья Англии, его население — десять человек. В королевстве нет ни машин, ни телефонов, ни налогов. Владельцы Лэнди — миссис Рут Харман-Джоунс и миссис Диана Кист пришли к выводу, что содержание этого омываемого водами Атлантики владения им просто не по карману...

Святослав СПАССКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Буду петь святую мужскую дружбу.

Для нее нет препятствий ни на земле, ни в воздухе. Не помеха ей ни дождь, ни стужа, ни финансовые инспекторы. И хотелось бы, чтобы все нижеописанное явилось положительным примером, подтверждающим лучезарность этого достойного и бескорыстного чувства.

Город Йошкар-Ола.

Два ведущих деятеля культуры республики: директор музыкально-драматического театра Виталий Николаевич Краев и главный режиссер музыкальной труппы того же театра Роман Александрович Розенберг. Закадычные друзья, соратники, побратимы на ниве искусства.

Не раз, засидевшись допоздна за стаканом доброго коньяка, приятели хозяйски обсуждали перспективы культурного развития родного театра, города, страны. И никогда, никогда творческий путь режиссера не пресекался административным шлагбаумом директора театра. Нет, восхищаясь громадьем планов Розенберга, Краев нашел смысл жизни в том, чтобы оказывать другу всестороннюю, всемерную помощь.

И поэтому был в порядке вещей состоявшийся осенью минувшего високосного года телефонный разговор Краева с директором городского комиссионного магазина В. Ф. Викторовой.

— Знаете, товарищ Викторова,— сказал Краев,— хочется нам приступить к постановке популярных опер «Царская невеста», «Пиковая дама» и «Евгений Онегин». У вас, надеюсь, есть в продаже партитуры этих опер?

— Ох,— простодушно ответила Викторова,— ноты к нам поступают очень слабо, даже, можно сказать, вовсе не бывает их. Может, вас заинтересуют кофточки или рижские стулья?

— Был тут у меня один человечек,— сказал Виталий Николаевич.— Предлагал эти партитуры. Ну так я его к вам направил. А вы уж не зевайте: как только он выложит ноты, хватайте, не задумываясь. Мы тут же переведем деньги.

Директор магазина засомневалась:

— Не приходилось мне заниматься нотами, и ценника на них у меня нету.

— Это вас меньше всего должно беспокоить,— заверил Краев.— Много, конечно, ему не давайте. Скажем, он запросит за три партитуры две тысячи рублей. Обойдется. Оцените ноты что-нибудь в тысячу девятьсот сорок, и нас вы обяжете чрезвычайно.

Тут сомнения Викторовой обернулись самым натуральным испугом.

— Две тысячи? — переспросила она, обмякнув.

— Уникальная вещь,— скорбя, подтвердил Краев,— выполненная рукописным методом. Откажетесь— сорвете планы театра, чем огорчите Министерство культуры РСФСР.

Симпатизируя далекому, но легко ранимому министерству, Викторова заверила собеседника, что сделает все от нее зависящее, чтобы не нарушить стройного графика прохождения спектаклей в театре.

В тот же день перед Викторовой предстал скромный мужчина средних лет. Три тома в голубых картонных переплетах легли на скрипучий стол директора магазина.

— Оперы?

— Партитуры,— подтвердил пришелец.— Две тысячи.

— Тысяча девятьсот сорок,— твердо сказала Викторова.

Клиент торопливо кивнул:

— Пейте мою кровь, согласен.

— Фамилия? — спросила Викторова, оформляя покупку.

— Хоть фамилия моя и Розенберг,— ответил нотовладелец,— однако прошу вас не сообщать ее работникам театра, если поинтересуются. Я не хочу, чтобы знатоки-меломаны смеялись над балбесом, буквально за гроши уступившим вам эти шедевры древней письменности.

Он ушел. Но директор магазина опять засомневалась. Она кинулась в музыкальное училище с просьбой прислать специалиста для оценки нот. Таковой не заставил себя ждать. Это был молодой, невысокий брюнет, на вид довольно смышленый.

— Пятьдесят рублей,— уверенно сказал он, взглянув на партитуры.

— Только? А может быть, пятьсот? — взмолилась Викторова.— Говорят, от руки написаны ноты и, по всему видать, старинные. Ни титульные листы не сохранились, ни последние странички.

Эксперт наугад раскрыл одну из книг, поковырял ногтем горбатенький значок ферматы и быстро согласился:

— Может, и пятьсот.

— А если две тысячи?

Покладистый брюнет и тут не стал возражать.

— Может, и две.

И покинул магазин, не теряя достоинства.

Юноша Петя Васютин, оркестрант и по совместительству библиотекарь театра, жизнь с изнанки еще видеть не привык, поэтому рассказывал предельно изумленно:

— Думаю: как же я на такую сумму нот притараню? Иду просить грузовик у Краева. А он вынимает из кармана сетку-авоську: на, мол, в ней и принесешь, не забудь вернуть только. Точно: все три тома в ней и поместились. В чем же, думаю, ценность этих экземпляров? Понять трудно: первые и последние листы с корнем выдраны — значит, ни года издания, ни цены не прочтешь. Уж потом установили: в 1948 году эти ноты отпечатаны. А тогда я очень удивился, и все рассматривал книги, и вертел их так и эдак, и даже понюхал.

Запах Петя по молодости определить не смог. А пахли книги аферой.

К вечеру, придя домой, Розенберг вступил в спор с незримым оппонентом, который сидел у него где-то в печенках и время от времени тихо упрекал:

— Как же ты, Роман Александрович? Согласовал ли ты свои действия с моральным кодексом?

— Предвижу,— морщился Роман Александрович,— сейчас начнутся долгие разговоры о неэтичности моего поступка. Хорошо, действительно, я мог бы партитуры просто так дать театру на время. Но, спрашивается, зачем? Ведь если мы и будем ставить что-то новое, так разве только «Онегина», и то не скоро. Кстати, точно такие же партитуры театр мог бы получить в библиотеке музыкального училища, и притом совсем уж даром.

— Да,— сказал внутренний голос,— а между прочим, настоящая-то продажная цена этих нот тридцать девять рублей шестьдесят девять копеек. И тебе это хорошо известно.

— Почему никто не хочет меня понять? — взгрустнул Розенберг.— Ведь эти партитуры мне очень дороги, как память об отце. Не могу я их продавать за тридцать девять рублей.

— Но получается, что ты продал ноты сам себе. А деньги взял с государства.

— Государству эти деньги вернутся незамедлительно. Не буду же я их укладывать в кованую кубышку и зарывать под раскидистой сосной!

— Что же ты с ними собираешься делать?

Лицо Романа Александровича подернулось мечтательной дымкой. Он посмотрел в окно. За окном плыл ясный месяц.

— Подмораживает,— вздохнул режиссер.— А с деньгами я решил вот что. Куплю себе камертон и маленькую гармонику концертино.

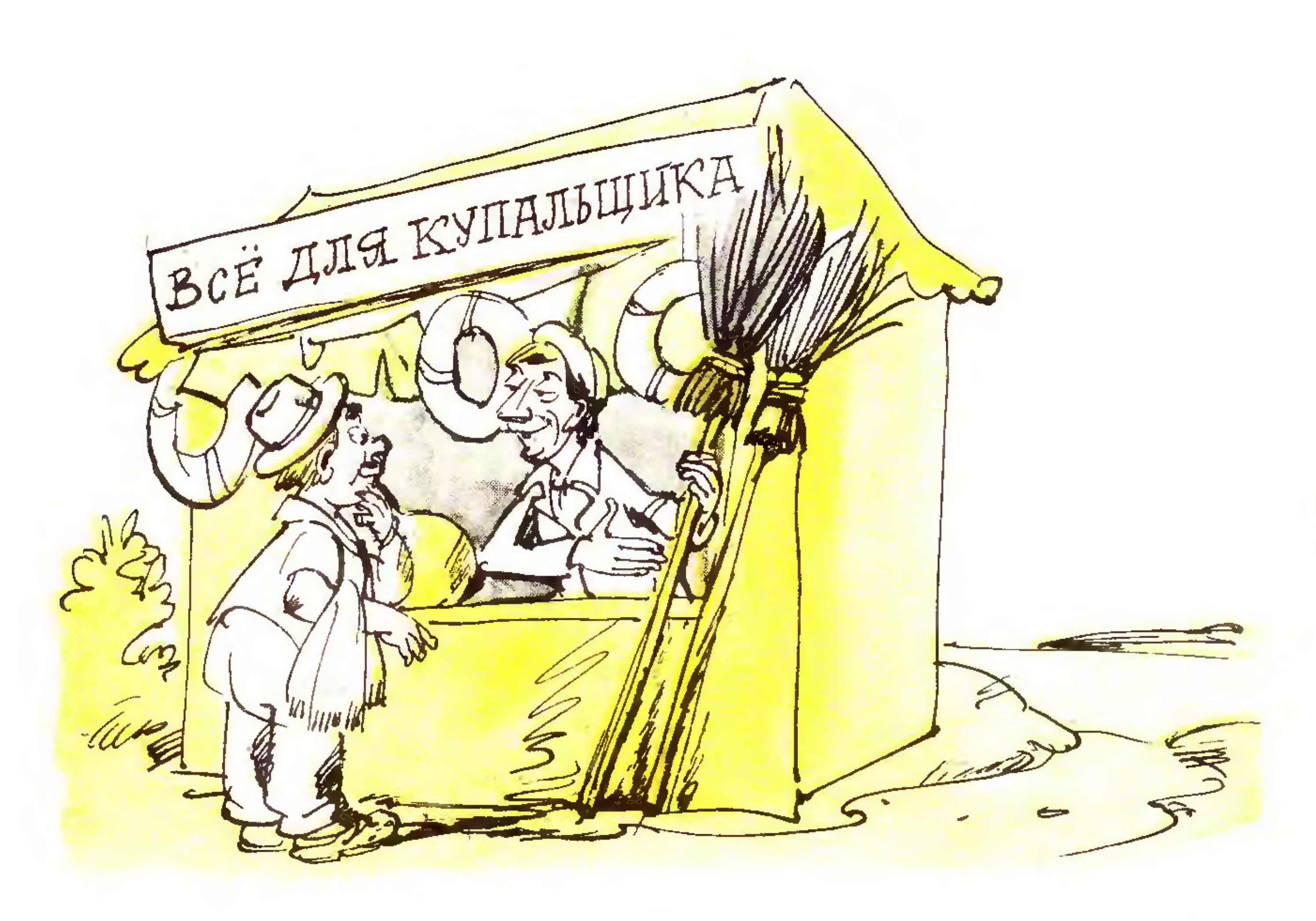
Сомневаясь, он помолчал. Потом добавил более решительно:

— Но не исключено, что пропью. С милым другом Виталием Николаевичем. Это у нас с ним такое давнишнее хобби. Любим мы выпить, а наличных иной раз и не хватает. Вот и приходится выкручиваться. Как это там у Германа: «Ловите миг удачи!..» Люблю «Пиковую даму». И расстаюсь с ней очень нелегко, нет...

г. Йошкар-Ола.

ПОПРАВКА

В ОБЪЯВЛЕНИИ, ПОМЕЩЕННОМ НА 3-Й СТРАНИЦЕ, ЗАМЕЧЕНА ОПЕЧАТКА. ШЕСТУЮ СТРОЧКУ СВЕРХУ СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ: «НЕ СОСТОЯТСЯ».

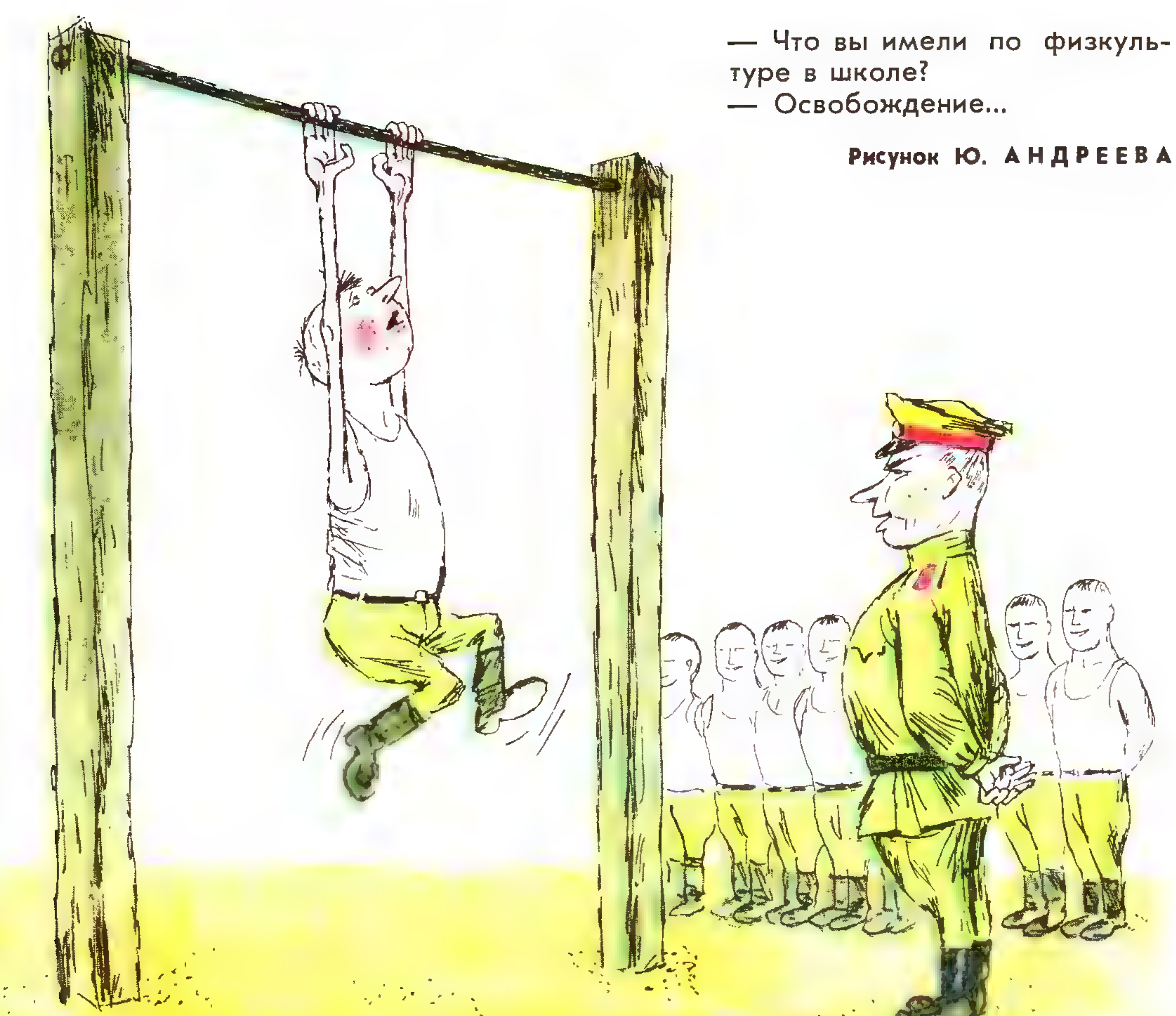
— Купите, не пожалеете!

. . . .

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок Е. ГУРОВА

— Что вы имели по физкультуре в школе?
— Освобождение...

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

Владимир МАСС

Я сейчас!

РАССКАЗ

Лентяи бывают разные. Есть просто лентяи, и есть лентяи мятущиеся.

Как и все бездельники, мятущиеся лентяи не делают ничего, но при этом убеждены и любят убеждать других, что работают за десятерых.

Они бегают, волнуются, постоянно на кого-то негодуют, на что-то жалуются и, надо отдать им справедливость, от всей этой огромной затраты физических сил действительно устают не на шутку.

Ни один работяга не изматывает себя так, как эта мятущаяся разновидность бездельников.

Касулин принадлежал именно к этой разновидности.

Однажды мне понадобилось дать приезжему товарищу доверенность на получение причитающихся мне денег.

Я написал доверенность, заверил подпись. Оставалось поставить печать. Печать находилась у Касулина. Касулин находился при исполнении служебных обязанностей. Я отправился к Касулину.

Ползая на четвереньках, Касулин что-то лихорадочно искал под столом и в корзине для бумаг.

— Паша, будь друг, приложи печать,— попросил я, заглядывая под стол и протягивая ему доверенность.— Я уже заходил к тебе часа два назад, но ты, очевидно, был занят, сказал: «Я сейчас!» — и куда-то скрылся... Так вот я опять к тебе...

— Ах да, печать?.. Забыл, прости! — извинился Касулин, вылезая из-под стола и опускаясь в кресло.— Столько, понимаешь, дел, что голова кругом идет... Ведь у нас, сам знаешь как: никто ничего не делает... Все только суетятся да языки чешут... Приходится одному отдуваться! А у меня такой, понимаешь, проклятый характер — не могу! Раз взялся — надо сделать. А дел, сам видишь... Тут — то, там — это... Без меня ведь никто ни шагу!.. Да, что-то мне еще надо было... Погоди, я сейчас!..

Касулин вскочил, схватил портфель и выбежал из комнаты.

Я остался ждать. Прошел час.

Касулин вернулся, едва переводя дух.

— А, привет! — обрадовался он, пожимая мне руку, как будто видел меня в этом году впервые.— Ты ко мне?

— Ты просил меня подождать...

— Тьфу! — воскликнул Касулин.— Совсем забыл! Я сейчас!.. Тут, понимаешь, черт ногу сломит... А я один!.. Все требуют, рвут, понимаешь, на части... Измотали совсем! Без меня ведь никто ничего... Я даже не присел с утра, честное слово... Запарка... Работы навалилось — не продохнешь!.. Что-то мне еще нужно было? Ах да, погоди, я сейчас!..

Он снова сорвался с места и убежал.

Прошло еще полчаса.

Касулин вбежал ошалелый. Он тяжело дышал, растирая ладонями лицо и ероша волосы, как это делают люди, предельно утомленные, желая прогнать усталость и взбодриться.

Меня он заметил не сразу.

— Паша,— сказал я.— Полтора часа я жду, чтобы...

— Ах да, прости, ради бога прости! — спохватился Касулин.— Давай-ка свою бумажку. Я сейчас!.. Закружился, понимаешь... Обо всем ведь самому приходится думать... А тебе, как нарочно, создают такие условия, что сил никаких нет... Говоришь, предупреждаешь, доказываешь, ругаешься, а, глядишь, того нет, этого нет... Вот ты и попробуй что-нибудь сделать... В работе четкость, понимаешь, нужна, порядок... А у нас тут... Куда это я свой портфель задевал?.. Ради бога прости...

Он автоматически сунул мою бумажку в карман, сказал: «Я сейчас» — и выбежал из комнаты.

ПРИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ ИМЕЮТСЯ КУРСЫ ВЯЗАНИЯ БЕЗ ОТРЫВА ОТ ПРОИЗВОДСТВА.

УПРАВЛЕНИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТРЕБУЕТСЯ СПЕЦИАЛИСТ ПО ВООБЩЕВОДСТВУ.

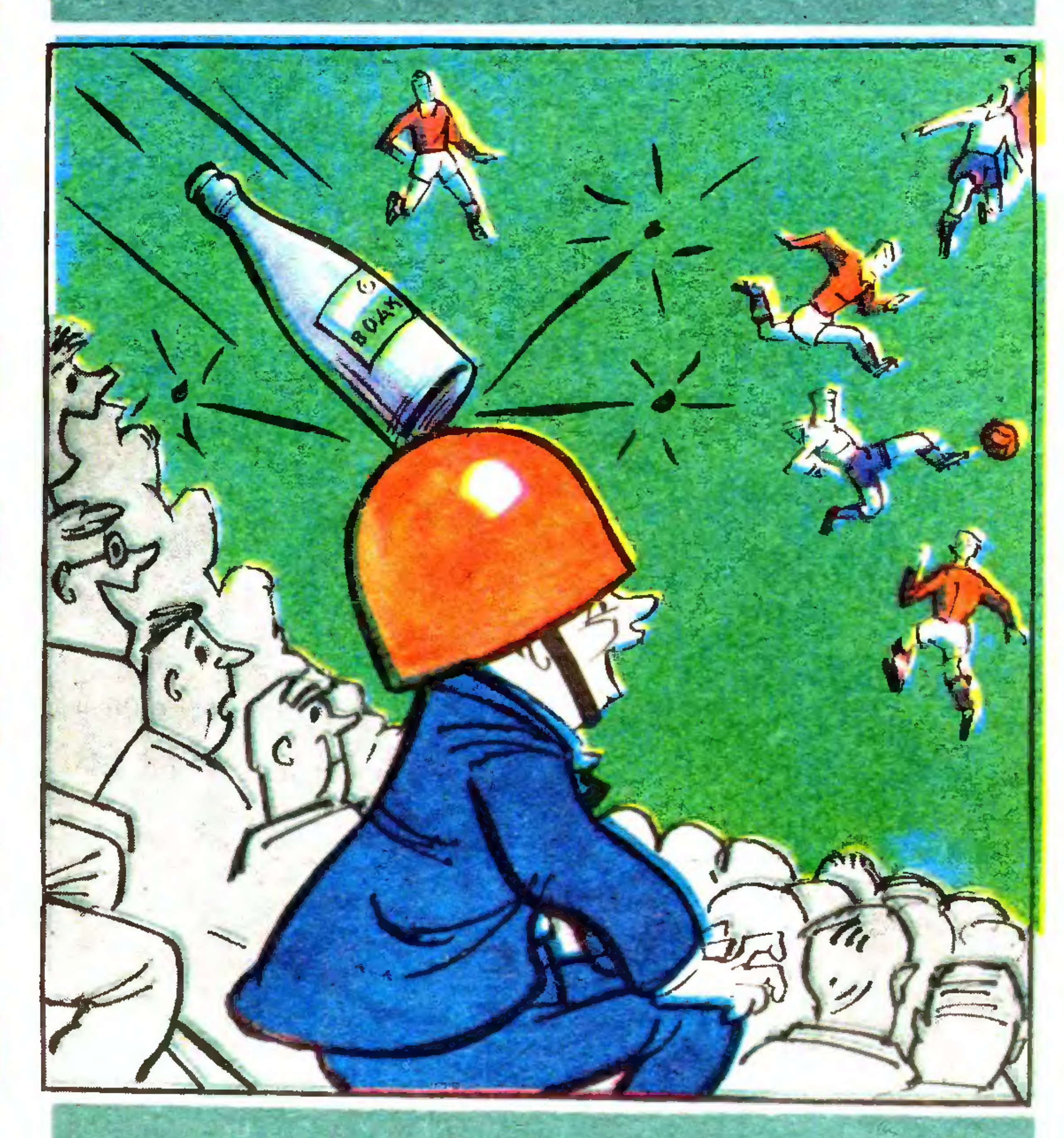

ПРОДАЕТСЯ КОТ В ПРОЗРАЧНОМ МЕШКЕ.

БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ ПРИГЛАШАЕТ НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ ПЕРВОГО РАЗРЯДА.

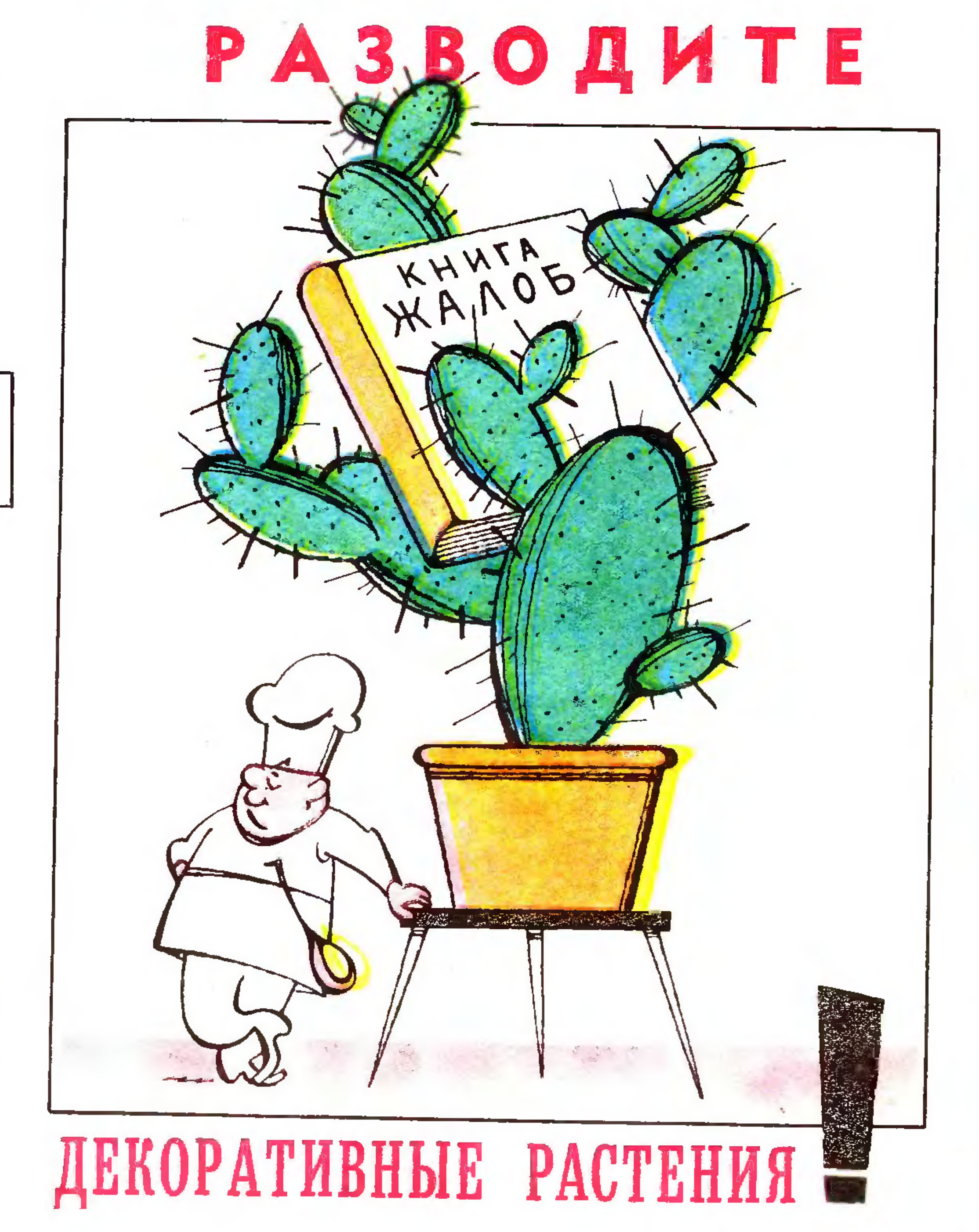
ПОКУПАЙТЕ

МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ШЛЕМЫ!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

РАЗВОДИТЕ

ДЕКОРАТИВНЫЕ РАСТЕНИЯ!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ЗАЯВКИ НА ЗАПЧАСТИ К ВЕЧНЫМ ДВИГАТЕЛЯМ И МОТОЦИКЛАМ ПОСЫЛТОРГ НЕ ПРИНИМАЕТ.

ПРЕДПРИЯТИЮ ТРЕБУЮТСЯ ФУТБОЛИСТЫ.

ГРАЖДАНЕ ПАССАЖИРЫ! СТОИМОСТЬ ПРОЕЗДА В АВТОБУСЕ 5 КОПЕЕК ИЛИ 10 ПУГОВИЦ.

НЕ ИЗОБРЕТАЙТЕ ВЕЛОСИПЕДОВ! ПОКУПАЙТЕ ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ!

ПРОСТО АНЕКДОТ

Ученая собака вызывала всеобщее восхищение, так как она великолепно играла в покер. Но ее хозяин не разделял этого восхищения.

— Мне стыдно за нее,— объяснил он.— Она не может ни мошенничать, ни скрывать своих чувств. Каждый раз, когда у нее на руках оказываются хорошие карты, она виляет хвостиком...

●

— Скажи, — спрашивает строгий отец свою 17-летнюю дочь,—он угрожал тебе, прежде чем ты позволила себя поцеловать?

— Да, папа, он пригрозил мне, что если я крикну, он никогда больше меня не поцелует!

●

Мадам Бенуа настаивала, чтобы ей повысили зарплату. Но директор был неумолим.

— Видите ли, мадам Бенуа, вот, например, счетовод Морель из бухгалтерии является отцом пяти детей, а денег получает не больше, чем вы!

— А я думала, что на нашем предприятии платят за то, что мы делаем здесь, а не за то, что мы делаем дома...

●

Маленький Коля говорит своему приятелю:

— Васька говорит, что у него была пра-пра-пра-прабабушка.

— Он просто заикается.

●

Два мудреца поспорили о том, кого можно назвать дураком.

— Дурак, — сказал первый,— это человек, который выражает свои мысли так, что другие его не понимают. Ты понял меня?

— Нет,— ответил собеседник.

●

Шофер такси недовольным голосом заметил выходившей из его машины пассажирке:

— Пятнадцать центов, которые вы дали мне на чай, я рассматриваю как оскорбление.

— О, неужели? А сколько же следовало дать?

— По меньшей мере еще пятнадцать центов.

— Друг мой, — ответила пассажирка,— поверьте, я не решусь оскорбить вас дважды!

●

Звонок. Муж открывает дверь и видит соседку.

— К сожалению, жены нет дома, — говорит он. — Если вы принесли какую-нибудь новую сплетню, я могу ей передать!

●

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

РАССКАЗ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В поезде дальнего следования моим соседом оказался чернявый низкорослый холерик. Он долго теребил в руках газету, потом нервически перебросил ее мне и сказал:

— Вы только почитайте — смех да и только.

Я посмотрел, куда он ткнул пальцем, и солидно спросил, поглаживая свой животик:

— И что же вы находите в этом смешного?

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул он и прочитал вслух, что в Москве открывается симпозиум ученых, занимающихся изучением тайн человеческой памяти.

— К вашему сведению,— сказал я с гордостью,— я как раз еду на этот симпозиум, чтобы выступить с докладом.

Чернявый даже подпрыгнул от возмущения.

— Так, значит, вы теоретик? — злорадно спросил он.

— Да, — с достоинством ответил я.

— Так вот,— сказал он,— я в грош не ставлю все ваши теории.

— А кто вы, собственно, такой? — снисходительно улыбнувшись, поинтересовался я.

Чернявый вскочил, попросил у кого-то из пассажиров книжку, открыл ее наугад, пробежал глазами по строчкам, передал книжку мне и прочитал всю страницу наизусть.

— Довольны? — спросил он с ухмылочкой.

— Ничего особенного. Хорошая механическая память,—определил я преспокойно.

— Не просто хорошая, а редкостная,— возразил он самодовольно.— Я выступаю на сцене, демонстрируя свою память. И мне есть чем похвастаться. Я на деле показываю возможности человека. А вы тем временем занимаетесь никому не нужным теоретизированием.

— Ну уж так прямо и ненужным,— хладнокровно произнес я.

— Да, ненужным, — повторил он, хлопнув ладонью себя по коленке.— Ну скажите, сможете ли вы, прочитав эту страницу, запомнить хоть один абзац?

Мне пришлось указать чернявому его шесток.

— Многоуважаемый оппонент,— сказал я ему со вздохом сожаления,— да мне это совсем ни к чему. Теория призвана уходить в глубину, находить предпосылки для развития практики. Теория, дорогой мой, разрабатывает принципы, основоположения, концепции...

— Вы, кажется, собираетесь прочитать мне свой доклад,— саркастически заметил чернявый.— Лучше скажите, лично вам теория дала что-нибудь практически?

— Несомненно, — ответил я.— Она способствовала дисциплинизации моей памяти. Пусть механическая память у меня не так развита, но зато я никогда не упущу главного. Между прочим, вы, наверное, только притворяетесь, что не интересуетесь симпозиумом. Я начинаю вспоминать, что видел в городе афиши с вашим портретом. Сегодня ведь у вас последнее выступление, а вы отменили его и едете в Москву.

— Простите,— едко улыбнулся чернявый,— у меня вчера было последнее выступление. Сегодня шестое число.

— Простите, сегодня пятое число,— ответил я и показал ему сегодняшнюю газету.

Чернявый схватился одной рукой за голову, а другой за чемодан.

— Проклятый склероз! — закричал он.— Ведь все билеты проданы! Скандал!

— Не беспокойтесь,— стал я его успокаивать,— выйдете на ближайшей остановке и сядете на встречный поезд.

Продолжая говорить утешительные слова, я проводил его до тамбура. Он сошел на каком-то глухом полустанке.

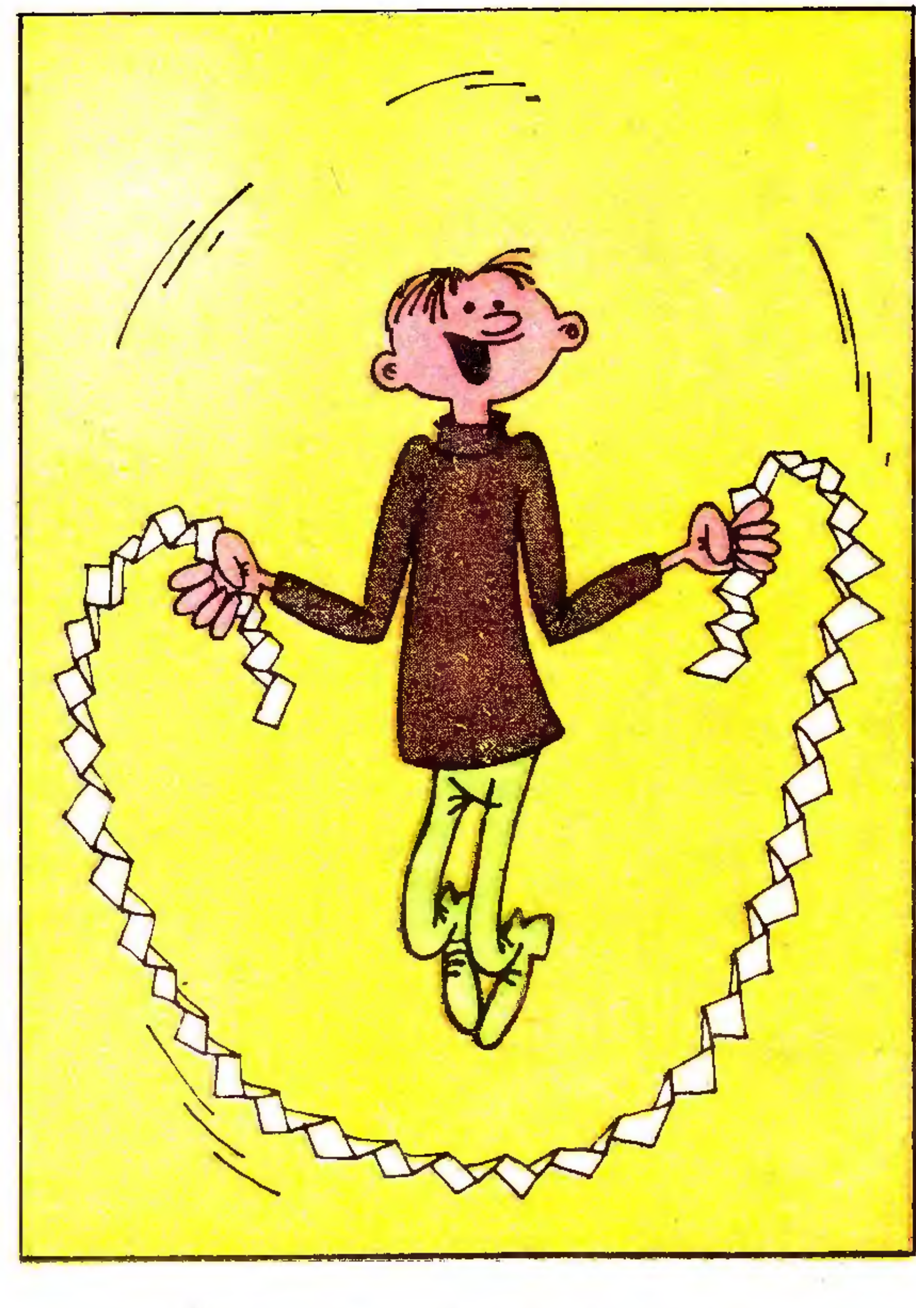
В Москве я первым делом побежал на телеграф и дал «молнию» жене: «Забыл дома доклад гибну перешли проводником первого вагона вечернего поезда».

г. Ярославль.

— Смотри: довольно простая технология!

Рисунок Н. КАЛИТИНА

Когда сдан последний экзамен.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

ПАМЯТИ ДРУГА

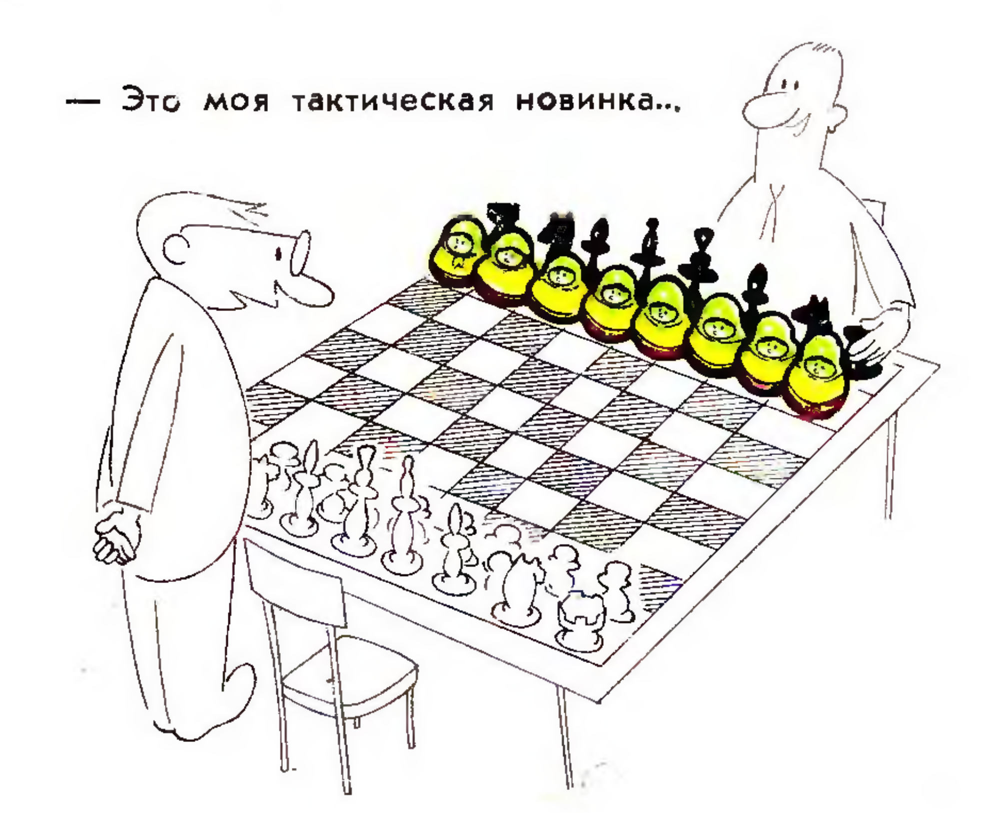
Скончался Сергей Александрович Швецов.

Глубокой скорбью отзовется эта весть в сердцах всех, кому дороги лучшие традиции советской сатиры. Замечательный поэт, доброжелательный и взыскательный наставник, давший путевку в литературную жизнь многим ныне уже маститым журналистам и писателям, сердечный, чуткий, искренний человек — таким останется Сергей Александрович в нашей памяти.

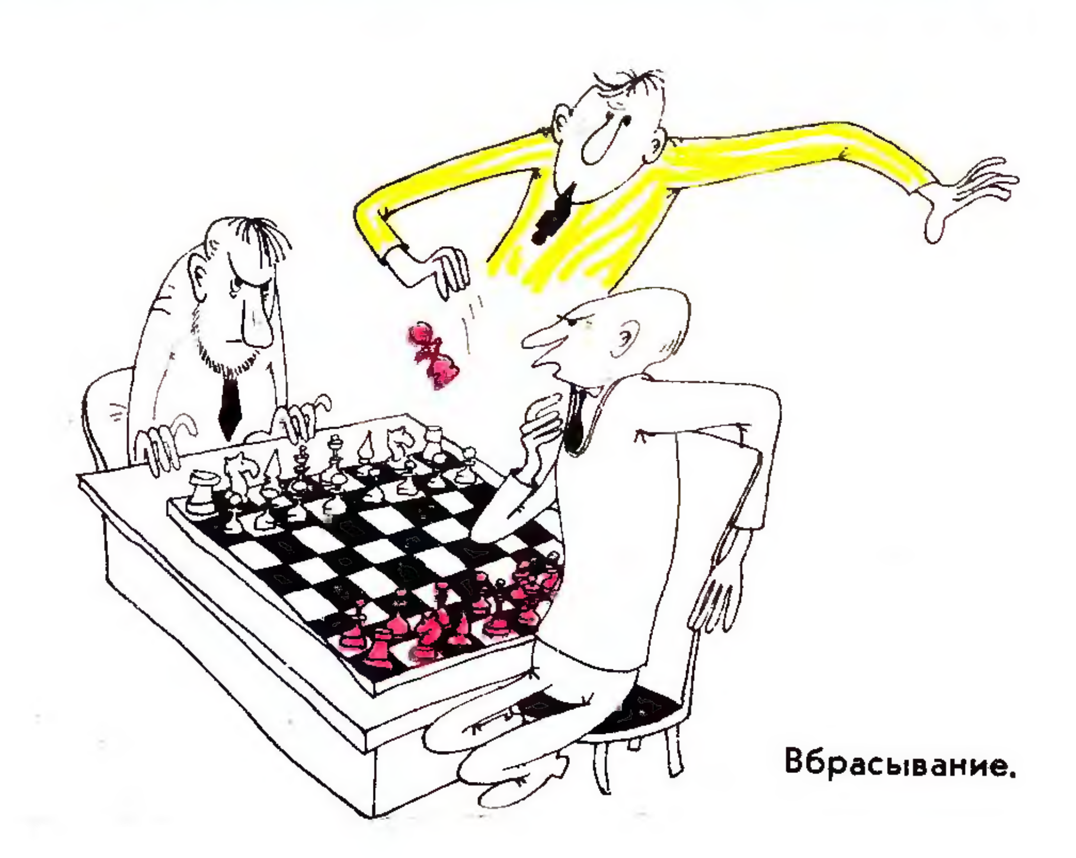
Весь жизненный путь С. А. Швецова был безраздельно отдан служению советской литературе. Закончив московский рабфак искусств в 1931 году, он редактирует отделы поэзии в журналах «Рост» и «Красная новь». В годы Великой Отечественной войны работает корреспондентом армейской газеты «Разгромим врага». С 1946 года творческая деятельность С. А. Швецова была неразрывно связана с «Крокодилом». Работая заместителем главного редактора, а затем главным редактором журнала (1953—1958 гг.), он отдает все силы идейному и художественному воспитанию молодых сатириков.

До последних дней жизни он оставался активным автором журнала. Стихотворный фельетон, эпиграмма, пародия, басня, частушка — во всех этих жанрах открывался читателю высокий поэтический талант Сергея Александровича. Его стихам всегда были свойственны точность и ясность политической позиции, глубокая, неподдельная народность, меткость сатирического удара, тонкое чувство родного слова. Немало трудов положил С. А. Швецов и на переводы сатирической поэзии наших республик.

Прощай, дорогой друг! Твое поэтическое слово будет жить и бороться за наше великое общее дело, которому ты честно служил.

— Это моя тактическая новинка...

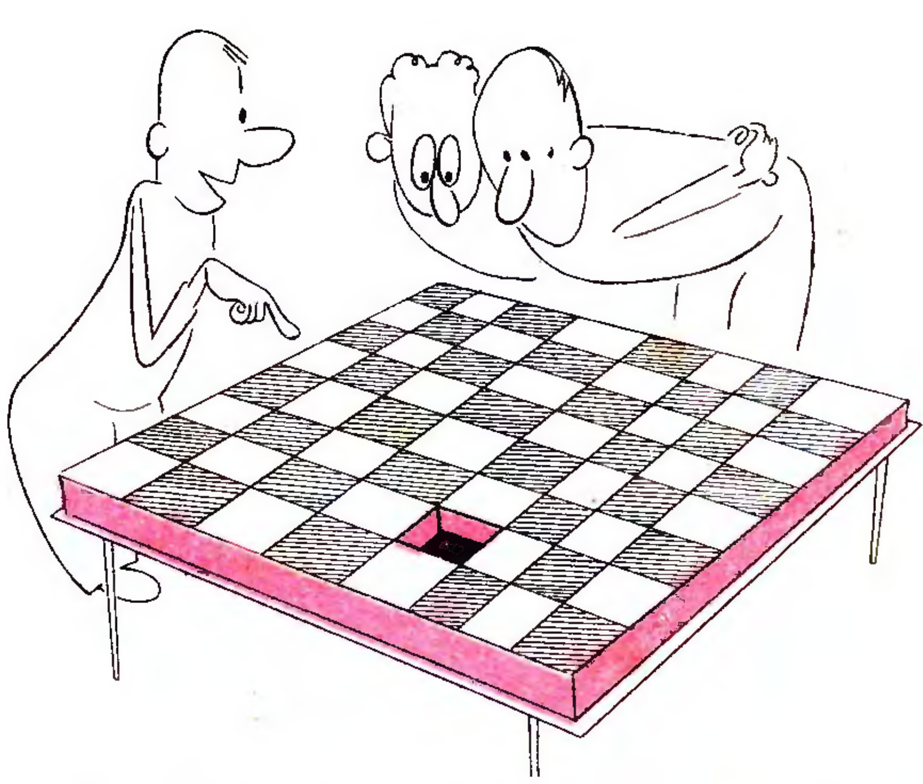

Вбрасывание.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА и Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Раньше я великолепно играл в домино.

— А вот здесь я приготовил противнику западню...

По тому же поводу

Я НА ПЕРВОМ МЕСТЕ

Позволь, дорогой Крокодил, откликнуться сразу на две твои заметки, опубликованные в этом году.

В заметке «Издалека долго...» («Крокодил» № 7) сообщалось, что один житель г. Усть-Кута, Иркутской области, получил открытку от другого жителя этого же города через 18 дней.

Ну, хорошо. Кстати, 18 дней — совсем не так уж много. Но вот в заметке «Поздравили...» («Крокодил» № 10) московский педагог О. Шумяцкая сообщила, что она получила открытку от своей московской же подруги через 73 дня.

Это, конечно, уже темпы, с которыми приходится считаться.

И все-таки я пока что чувствую себя «на высоте». Мой львовский друг послал мне поздравительную открытку к 7 ноября 1968 года, а получил я ее — все равно не угадаешь! — 14 марта 1969-го! Итого — 131 день в пути от улицы Воровского до улицы Шевченко. В общем, открытка шла со скоростью нескольких метров в сутки.

В заметке «Издалека долго...» было, между прочим, сказано: «И даже напрашивается идея объявить иронический всесоюзный конкурс на самое медленное продвижение почтовых отправлений».

Если бы ты, дорогой Крокодил, и объявил такой конкурс, мне бы он, во всяком случае, был не страшен. Первое место все равно осталось бы за мной!

И. ЧАРСКИЙ

г. Львов.

КРОКОДИЛ

№ 15 (1917)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, О. Ведерников, А. Грунин, В. Жарннов, С. Кузьмин, Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Узбяков, В. Устинов, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

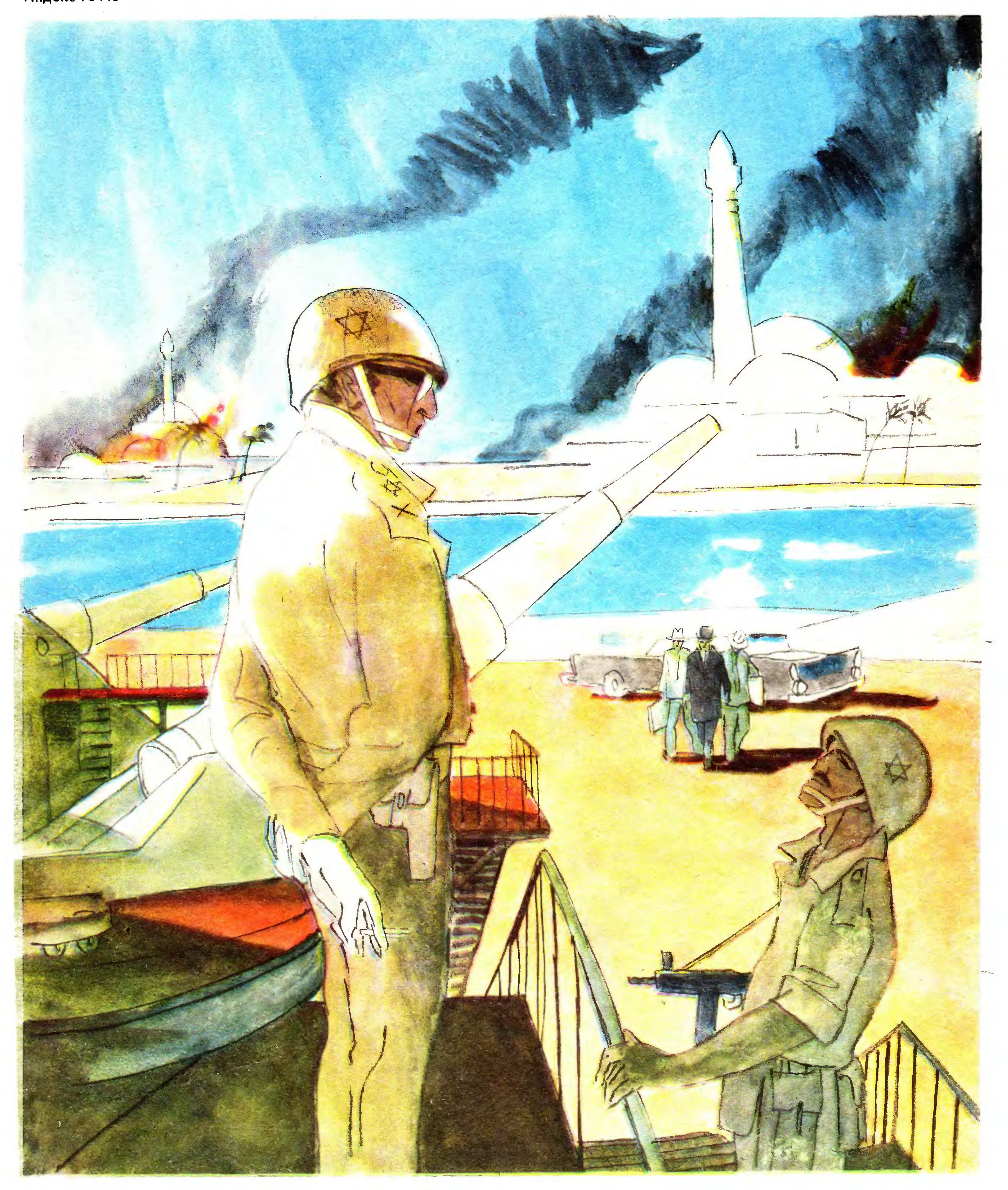
Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00112.
Подписано к печати 20/V 1969 г.
Формат бумаги 70×108⅛
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 400 000 экз. (1 завод: 1—4 339 450).
Изд. № 595.
Заказ № 1450.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

— Господин генерал! Прибыл представитель ООН!
— Займите его пока разговорами об арабской агрессии.

Рисунок Евгения ШУКАЕВА